

ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ КОЖЕВИН

(1923 – 1973)

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК

(1941 – 1944)

Подготовка текста и публикация Дмитрия Белановского

Москва, 2013

1941 год

Начало лета 1941 года. Блестяще сданы последние экзамены. Выпускной вечер. Торжественное вручение аттестата отличника. Радость родных. Я был счастлив. Один основной период жизни пройден удачно, и будущее открыто передо мной в радужном свете. Ведь мне только что исполнилось 18 лет. Хотя мне и предстояло в этом году идти в армию (а военную профессию я никогда не думал себе избирать), я об этом много не задумывался и надеялся, что через пару лет дождусь того дня, когда исполнится моя заветная мечта, и двери университета откроются передо мной. Но настало 22 июня – разразилась война! Я раньше много думал о возможности войны, много было об этом разговоров, но я никогда не думал, что она может принести столько горя, столько страдания, столько разрушений. Сначала жизнь, как заведенный механизм, продолжала идти по-старому. Магазины, кино, театры – все работало, как и раньше, если не считать вечерних затемнений. Бомбежка, особенно в нашем районе, почти не причиняла вреда. Но грозная туча надвигалась. Многие ушли на фронт. Вокруг Киева рыли противотанковые рвы. Немцы все глубже и глубже входили в нашу страну. Но я тогда не понимал всю глубину опасности. В армию «мой год» еще не брали. Времени свободного было много, и я продолжал заниматься своими любимыми делами. Но вскоре пришлось бросить одно из них – радио, т.к. было приказано сдать все радиоприемники. Но остались книги и музыка, которую я к этому времени очень любил. Я много играл на пианино, много читал, часто ездил в библиотеку им. ВКП(б). Так было и 6-го июля, когда я закончил «Инженера Гарина». Часов в 6 вечера, возвращаясь из библиотеки, я встретил недалеко от дома своего школьного товарища Гришу Казиминова. Оказалось, что он заходил ко мне и, не застав дома, пошел мне навстречу. Он сказал, что мне, ему и нескольким нашим товарищам пришла повестка с вызовом в военкомат к 8 ч. утра завтрашнего дня. Не помню, что было в этот вечер, но помню, что все еще не верилось в возможность скорого расставания, и никаких приготовлений на случай внезапного отъезда мы не делали. На другой день, мрачный дождливый день, который я никогда не забуду, 7 июля в 8 часов утра я явился в военкомат. Там собралось уже большинство моих сверстников нашего Молотовского района. Часов в 12, после поверхностной комиссии в «клубе трамвайщиков» нам объявили, чтобы мы запаслись одеждой и продуктами на несколько дней, и к 3 часам дня были готовы к маршу. Куда? – неизвестно.

Я уже давно чувствовал, что мне со дня на день придется покинуть родной дом, и ввиду этого я даже разобрал все свои вещи, но все же событие это оказалось таким неожиданным, что оно вполне не дошло до нашего сознания. Все надеялись, что нас берут на уборочную работу около Киева, хотя уже ходили слухи про отправку в Сталино, и я, конечно, поддерживал эту надежду у своих родных, а отчасти и у себя. Времени на сборы было мало, и я успел попрощаться только с Дю-Вернуа (впоследствии оказалось, что навсегда). Поиграл я немного на прощанье на пианино. Наскоро собрав вещи и продукты, наскоро попрощавшись с родными, я пошел к военкомату. Там собралась уже большая толпа отправляемой молодежи и их родственников. Меня провожала мама, приходил и папа, который в этот день был как раз что-то нездоров. До 6 ч. вечера мы простояли у военкомата, потом нас построили и повели... Некоторые хотели остаться, например, Юра Хорошкевич, но побоялся последствий, пожалуй, это было и верно. Нас повели через Глубочицкую ул. к деревянному мосту через Днепр. За нами шла толпа родных и знакомых. Шла и моя мама. У моста мы попрощались и пошли сами. Расставание наше

---

¹ Свой фронтовой дневник В.Кожевин вел в маленьких блокнотах, которые после войны были переписаны им в один большой блокнот. Даты, набранные курсивом, означают время переписки дневника (Д.Б.).

было молчаливое, без слез. Много, много хотелось сказать друг другу, но не хватало слов. Было очень и очень тяжело, чувствовалась, что расстаемся надолго. Когда мы переходили мост, все небо было покрыто черными тучами и стало совсем темно. Только на Западе у самого горизонта была еще видна светлая полоса неба, которая вскоре тоже покрылась тучами. Пошел сильный дождь...

Началась моя самостоятельная жизнь.

Хотя домашние сборы были очень недолгие, но благодаря заботе моей мамы я взял собой вещи, которые впоследствии очень мнегодились. Благодаря дождливой погоде, кроме пальто я взял по маминой просьбе и прорезиненную накидку и галоши. С собой у меня был простой мешок, который я по неопытности рассчитывал нести в руке, что впоследствии оказалось очень неудобным. В мешке у меня было из одежды несколько футболок, трусов и носков, полотенце, платки, а также балетки и надувная резиновая подушка, которая у меня пробыла потом очень долго. Из продуктов у меня были хлеб, масло, жаренное мясо и сахар, очень пригодившийся мне в походе. Мама дала мне еще список адресов наших родственников и знакомых на случай, если я попаду в те города.

8.7.41. Ночью, промокнув и уставши, мы остановились в Дарнице на ночлег. Поместиться всем в отведенном для нас здании школы не удалось. Я надел сухое белье, немного поел и кое-как устроился на крыльцо одного дома. Рядом улегся и Гриша Казимиров. Первая ночь, проведенная не в постели. Рано утром, позавтракавши своей провизией, нас повели в Бровары. Настроение ужасное; несколько раз хотел отстать и идти обратно, но сам не решался, а товарищей не находилось. В Броварах мы отдохали, и получили по 35 р. вместо питания (кажется, на 5 дней). По дороге мимо нас несколько раз вели группы арестованных на восток: несчастные, голодные, оборванные... И на душе становилось еще тяжелее. Вечером двинулись дальше. С несколькими товарищами отставши догоняли колонну пешком, а потом на машине с несколькими больными арестованными. Догнали своих. С ними поздно ночью добрались до деревни Гоголево. Здесь стояли какие-то воинские части, и ни в один дом нас не пустили. Но дальше мы уже идти не могли. Ночевали у самой дороги, на сырой земле, почти в болоте. Я закутался в пальто и плащ-палатку (вот когда она мне пригодилась!) и, т.к. страшно устал, – моментально заснул.

9.07.41. Встали мы рано, прозябшие и просыревшие. Кругом густой туман. Доели остатки продуктов и двинулись в путь. В д. Кендры, куда мы пришли днем, нам устроили неплохой обед. Суп с крупой и мясом, хлеб, молоко. Во время этого привала я написал первое письмо домой. В Кендрах нам дали несколько подвод. До этого у нас была только одна повозка, на которой ехал начальник команды с вещами, женой и фельдшером. Теперь вещи мы могли сложить на подводы и сами по очереди ехали на них (по 2 часа). Ночью остановились в деревне «N». Спать лег на весах у магазина, потом удалось перейти в клуб.

10.07.41. Рано утром колонна двинулась дальше. Я немного задержался, и с несколькими другими отставшими пришлось догонять колонну. Подвод осталось немного, только 2. На них нам удалось сложить своих вещи – пальто и мешок – и немного проехать самим. Мой мешок, который я нес в руке, так мне мешал, что еще в Броварах я его переделал наподобие «Куржума»: посередине перетянул, а снизу и сверху сделал затягивающиеся завязки, получилось 2 отдельных отделения. Мешок этот я носил попеременно то на одном, то на другом плече, что было уже много удобнее. Но на походе даже иголка кажется тяжелой, и многие поэтому побросали свои мешки со всем содержимым по дороге.

На привале в одной деревне нам опять был устроен обед, но я, Гриша и Вова так устали, что не пошли искать место приготовления обеда, а у ближайшей хозяйки попросили картошки и сварили целый большой котел, но если очень мало, слишком были

уставши. На этом привале заболел Вова. По этому случаю мы уже стали составлять план возвращения домой и даже расспрашивали дорогу о крестьян. Но Гриша и Вова побоялись, а я сам идти не решился. Вечером нас повели дальше. Вову устроили на подводе с вещами. Поздно ночью остановились на ночлег в какой-то деревне. Я с Гришей сначала улегся на досках в колхозном дворе, потом перешли в конюшню и прекрасно устроились на сене.

11.07.41. Утром в магазине достали меду и ели его с медом. Вскоре нас повели дальше в местечко Яготин. Там мы, 10 человек (без вещей, которые везли на повозке) наняли подводу и доехали до ст. Яготин. По дороге мы очень хорошо выкупались в какой-то речке. На станции нашей команде, которая насчитывала только $\frac{1}{4}$ первоначального состава, объявили, что наш конечный путь Сталино и что мы можем добираться туда как угодно своими силами. Марш наш был на этом закончен. Прошли мы всего, если считать и весь лишний путь, пройденный по вине нашего начальника, который плохо знал дорогу, - около 200 км. Свой первый марш по сравнению с другими я выдержал хорошо и только немного натер ноги. Правда временами идти было очень трудно, и к концу переходов двигался я из последних сил, в это время мне очень помогал кусковой сахар, который мне мама дала на дорогу – съешь его несколько кусочков и чувствуешь себя сильнее, несколько ослабевает усталость.

По прибытии на станцию снова начались мои сомнения и колебания: в какую сторону ехать, и, вероятно, если бы подошел поезд на Киев, я уехал бы обратно. Но подошел эшелон в сторону Сталино... Я все еще не решился сесть на поезд, тем более что находящиеся там эвакуируемые не хотели нас впускать. Но вот в вагоне раздалось несколько сочувственных голосов, и Вова П. удалось сесть в вагон. Я поддался общему течению и тоже взобрался в вагон. Беженцы теперь отнеслись к нам более сочувственно и даже чем-то угощали, но все же всю ночь пришлось провести сидя (это было уже очень хорошо), т.к. теплушка была переполнена людьми и вещами.

12.07.41. Сегодня на одной станции удалось получить продукты, что для нас было очень кстати. К вечеру приехали в Полтаву и в вагоне стало свободнее, осталось только 40 человек и их вещи, занимавшие половину вагона.

13.07.41. Эту ночь удалось поспать довольно хорошо. На одной станции купили хлеба и котлет.

14.07.41. Ночью хотели выйти на Лозовой и ехать в Харьков к Гришиным знакомым, но передумали и утром прибыли на ст. Никитовку. Здесь нам удалось позавтракать с другой группой молодежи из Киева. Съел 2 стакана сметаны с хлебом. Потом со своей группой получили бесплатный обед. В одном магазине купил парусиновые туфли за 37 рублей, т.к. мои ботинки, которые несколько дней носил один наш товарищ, очень порвались. Спать мы легли на скамейках на вокзале.

15.07.41. Рано утром с группой другого района г. Киева пассажирским поездом поехали в Сталино, но по ошибке заехали на ст. Иловайскую. Пришлось возвращаться на ст. Ясиноватую, куда доехали на буферах товарных площадок. Приехали на ст. Ясиноватую поздно вечером. Легли спать недалеко от вокзала, прямо на земле под открытым небом. Нас было 5 человек. Я, Вова, Гриша, Костя Спивак и Мара – Вовин знакомый.

16.07.41. Утром, пройдя 10 км., пришли в Путиловку (пригород) Сталино, оттуда трамваем проехали в Сталино. Бродили по городу, разузнавая обстановку. Город не очень большой. Улицы прямые и почти ровные. На главных улицах асфальт. Дома большие, новые и «ящичной» формы, но попадаются и довольно красивые. 2 кинотеатра. Один им.

Т.Г.Шевченко, особенно красивый и даже роскошен. Довольно красивый театр. На лицах довольно много зелени, есть несколько тенистых скверов. Мало парикмахерских и киосков с водой. Особый вид окраинам города и вообще Донбассу придают конусообразные горные породы. В городе и на окраинах много шахт и заводов, которые по вечерам дают яркое зарево. Узнали, что прибывающую молодежь посылают работать на шахты, и старались найти шахту поближе к центру города. В этот день я написал и отправил письмо домой.

17.07.41. Я, Вова и Гриша ночевали с другой группой молодежи в школе (от нашей никого не нашли). Весь день продолжали бродить по городу. Вечером пошли в исполком. Оттуда нас направили обедать, после чего отправили в общежитие Центральной шахты. Там нам удалось сходить в баню. В общежитии тесно: в небольшой комнате с кроватями 15 человек.

13.07.41. Сегодня ходили в контору шахты. Там выдали нам по 16 р. на 22 дня и прочитали лекцию о правилах безопасности при работе в шахте. Вечером ходили в кино, встретили там товарищей из нашей школы, только из младшего класса. Их тоже направили в Сталино через день после нас. Поздно вечером вернулись в общежитие, но дорогу нашли сразу, т.к. несмотря на затемнение, было совсем светло от непрерывно вспыхивающих зарев металлургических заводов.

19.07.41. Питаемся в рабочей столовой при шахте. Кормят там удовлетворительно. Получили спецодежду: белые куртки, черные брюки, шлемы и калоши, а также по 8 р., которые были нам очень кстати, т.к. денег осталось очень мало (из дома я взял немного более 100 рублей, которые были у меня). Комната в общежитии освободилась, и теперь на каждого есть кровать.

20.07.41. Сегодня первый раз спускались в шахту. Спускались по наклонной галерее прямо с поверхности. Со всех сторон капает вода, под ногами ямы, которые, как будто, давят и грозят ежеминутно обрушиться на голову. Сверху и с боков электропровода, которых надо непрерывно остерегаться. Назад поднимались в «клетки» подъемником. Перед тем как войти в «клетку», нужно проскочить под водопадом текущим по вертикальной шахте. В общем впечатление о шахте осталось неприятное.

20.07.41. Сегодня с утра первый раз пошли на работу, но нас перевели на 2-ую смену с 3 ч. дня. Мы назначены породчиками в ремонтной смене, т.е. мы должны отбивать, убирать и грузить пустую породу. Спустились в «клетки» в шахту предварительно переодевшись в бане и оставив там свои вещи. Шли очень долго по галереям. По дороге провалился в воду. Идти очень неудобно, т.к. галоши вдвое больше моих ног и к тому же все время наполняются водой и кусочками угля и породы. Потом спускались по наклонной шахте в электропоезде. Пройдя еще несколько галерей, пришли на место работы. Мне пришлось работать по прокладке наклонной шахты. Причем шли снизу вверх. Я отбивал породу «желонгой» и грузил на «рештак» - конвейер. Вентиляция очень плохая. Жара страшная. Пот лил буквально ручьями и, перемешиваясь с угольной пылью, сделал меня совершенно неузнаваемым. Очень хотелось пить, и на перерыве я ходил по галереям в поисках воды, которую доставляли в шахту в небольшом количестве. После работы с багажом с трудом отмылся в бане. Спецодежду после работы оставили там. Очень натер себе ноги галошами, устал и едва добрался до общежития.

22.07.41. После завтрака были в конторе где получили еще по 8 рублей и записки на получение лопат. Пообедать мы не успели, т.к. ходили на базах искать чего-нибудь на ужин (с работы мы возвращаемся в 3-м часу ночи, а столовая тогда, конечно, закрыта).

Так голодные и пошли на работу. Работал я по переброске и погрузке породы. Очень болела голова и лихорадило. Я под конец не выдержал и прилег отдохнуть на кучу породы и так в забытии дождался смены. С трудом помылись в бане. До общежития шел с еще большим трудом, чем вчера. Ужинал редкой со сметаной, хлебом с маслом и чаем.

23.07.41. Очень болят ноги, особенно правая. Кажется у щиколоток образовались нарывы. Пошел в поликлинику, где пришлось ждать врача с 2 ч. дня до 7 ч. вечера. На работу, конечно, уже не пошел.

24.07.41. Уговорил Гришу и Вову искать другой работы, т.к. работа на шахте слишком тяжела. После завтрака мы втроем поэтому пошли прямо в военкомат. Там присоединились к группе молодежи и с ними вместе надеялись попасть в колхоз. Они уже были в горсовете, где получили разрешение на выезд в село. Здесь я познакомился с Сергеем Потаповым.

Мы пошли в общежитие, собрали вещи, взяли свое белье, которое за 10 р. постирала нам уборщица, отдала ей свои марки за «спец» и для спуска в шахту. Оставили и галоши. Забрав вещи, мы быстро направились в военкомат. Отъезд в село был разрешен. Мы так легко отделались от работы на шахте только потому, что не сдали в контору своих паспортов, заявив, что их у нас отобрали еще в Киеве, другим же пришлось остаться. Т.к. отъезд был назначен на завтра, мы остаток дня бродили по городу. На ночь нас 32 человека поместили в здании военкомата, в зале филармонии. Мы разложили на полу плащ-палатку, найденную кем-то из нас на ст. Яготин, и улеглись на ней спать.

25.07.41. В 7 часов утра наша команда, уже уменьшившаяся на несколько человек, двинулась на вокзал. Утренним поездом уехать нам не удалось, пришлось ждать 5-ти часового и покупать билеты по 5 р. Около 6 ч. вечера сели на поезд и часа через полтора приехали на ст. Роя. Оттуда до нашего конечного пункта ехали на машине. Не доехав несколько км. до деревни машина испортилась. Для ее исправления пришлось добавить шоферу по 2 р., но и то в самую деревню машина нас не довезла, а остановилась на окраине. Пришли в сельсовет, где нас (26 ч.) разбила по колхозам. Я, Гриша и Вова в составе группы в 12 ч. были направлены в греческий колхоз «Гер-Замет». Там нас сразу же угостили булкой, медом, салом и водой. Ночевать нас поместили в каком-то сарае на сене.

26.07.41. Утром слушали в сельсовете последние известия, и становилось как-то страшно: что же будет дальше. Завтрак такой же, как и ужин. Здесь пекут только пшеничный белый хлеб. Кормят сытно и вкусно и только здесь я узнал, что меду много съесть нельзя.

Ходили в райисполком на регистрацию, потом на дезстанцию, где наши вещи продезинфицировали, а сами мы выкупились в реке. Подстриглись в парикмахерской. На обед, кроме булки и медка, были сливки, и все в неограниченном количестве. После обеда нас распределили по квартирам. Меня поместили у одних греков.

В этом и в окружающих селах большинство населения – греки. Все они говорят по-гречески, но, конечно, не на литературном, а на местном диалекте. Некоторые совсем плохо знают русский язык. Раньше здесь и в школах обучали только на греческом языке.

На ужин был мясной суп, а дома хозяйка заставила еще поесть и куриного супа. Спать уложили на матрац, под одеяло.

27.07.41. Встал в 6 ч. утра. Немного болит голова, на завтрак было: суп, мясо, булка, сливки и мед. Но аппетит у меня что-то испортился, и я ел мало. На работе назначили нас переносить зерно, но пошел дождь, и мы отдыхали лежа на овсе, пока он не перестал. После обеда снова пошел дождь, и работа не состоялась. Я пошел на квартиру к Г. и В. и решил перебраться туда: все же не так будет скучно. Ходили вместе на почту, т.к. хотели

отправить в Киев телеграмму, но почта оказалась закрыта. Вечером перешел на квартиру к В. и Г. Старая хозяйка и ее соседка обиделись, что я от их ушел, да еще к украинцам Новый дом, куда я перешел, каменный, в комнатах чище, не придется спать на полу. Чувствуя себя неважно, я даже принял «кальцекс», взятый еще из дому.

28.07.41. В 8 ч. после завтрака пошли на работу, но пришлось ждать до часу дня, т.к. ночью была гроза, и все протекло. Работа легкая, но снова пошел дождь, и мы ушли с поля не дождавшись обеда. Часов в 7 вечера пошли на телеграф и отправили общую телеграмму в Киев, кажется, на Вовин адрес, т.к. денег почти не было: «Здоровы, почему нет ответа, телеграфируйте. Вова. Гриша. Мирик. Сталинская обл., Большой Янисоль, к-з «Гер-Замет, 8 квартал, ул. Петровского 109а». С почты пошли в «павильон», чтобы отметить мои и Вовины именины. Выпили по полстакана вина, съели по пирожку и по порции мороженого. Все это покупал Вова, т.к. у меня к тому времени денег уже не было.

29.08.41. С утра работали в поле, переворачивали мокрые копны. После просушки будем их складывать снова. Обедали в поле с большим аппетитом. Работали до захода солнца. Вечером были на так называемой «постановке» «Концерта».

Я очень скучаю по своим и теперь мечтаю получить ответ на нашу телеграмму из Киева.

30.07.41. Целый день работали на току: носили ящики с зерном. Ходил босиком, т.к. ботинки очень натирают ноги. Поздно вечером на волах вернулся домой.

31.07.41. Работали опять на току: на веялке. Был дождь. Очень болят ноги, особенно правая, так что домой вернулся на подводе. Дома парил ноги в горячей воде по совету хозяйки, которая сегодня вечером угощала меня пирогами с творогом.

Август

1.08.41. Работали опять на веялке. Домой вернулся сравнительно рано, в 8 ч. вечера, так что смог основательно помыться, что не так-то просто из-за отсутствия речки и времени.

2.08.41. На работу сегодня не пошел, так как очень болят ноги. После завтрака ходил на почту, надеясь получить ответ из дому. Ответа нет. Потом был в поликлинике, там мне смазали раны ксероформной мазью и перевязали. Дома занимался подготовкой к походу: перешивал свой дорожный мешок. Потом пообедал хлебом с солью и 3 яйцами, оставшимися от завтрака в столовой. Вечером с В. и Г. ходил на ужин, который очень запоздал, т.к. приехало много беженцев, и их кормили обедом.

3.08.41. Ходили с В. и Г. на почту и подали там заявление о пересылке нам писем из Сталина. Послали вторую телеграмму в Киев: «Работаем в колхозе «Гер-Замет» Б.Янисольского р-на Сталинской обл. Телеграфируйте о себе. Вова, Гриша, Мирик». Промошки под дождем, пришли в столовую. Страшно хочется домой, в Киев. Вернувшись домой, играли с В. и Г. в карты, конечно, без денег.

4.08.41. На работу я не пошел, а после завтрака к 11 ч. пошел в поликлинику. Там пришлось ждать до 3 ч. дня, т.к. сестра без врача не решалась лечить мои ноги. Я ходил в библиотеку, которая находится недалеко от поликлиники. Там я очень отвлекся. Хорошо бы там часто бывать или брать книги, но не будет времени. В поликлинике опять мои раны чем-то смазали и перевязали.

5.08.41. К 7.30 утра нас вызвали в военкомате, там меня и Вову зарегистрировали, а Гришу послали на медкомиссию. После военкомата поехали на ток. Работали на вейлке. Заработали по 0.85 трудов дня.

6.08.41. Опять работали на току, заработали по 0,36.

7.08.41. Сегодня ровно месяц, как я ушел из дому. Так хочется вернуться назад. Сегодня на работу не пошел. Был опять в поликлинике и библиотеке. Когда читаешь, забываешь действительность, забываешь, что так далеко от своих.

Дома занимался починкой: чинил пальто и носки. Вечером ходили с хозяйской дочкой Полей в колхозный фруктовый сад, там сторож угощал на яблоками и грушами.

8.08.41. Пошли на ток, но работы там не оказалось. После обеда пошел домой. Чинил балетки, т.к. ботинки совсем порвались. Ходил читать в библиотеку. По дороге домой встретил В. и Г. и с ними пошел опять в «центр». Там у товарищей узнали, что большинство прибывшей молодежи вызывают в военкомат. Во время ужина узнали, что я и Вова завтра в 8.00 должны быть готовы для отправки в армию. Гриша остается, т.к. у него плохое зрение.

9.08.41. Собрали вещи. Я продал хозяйке свою плащ-накидку за 17 р. Оставил Грише свои летние брюки. После завтрака отправились в клуб. Там нас обстригли, забрали документы, провели дезинфекцию, дали по 18 р. и прочитали лекцию.

Нам разрешили сходить в наш колхоз за получением расчета. В колхозе мы пообедали, взяли на дорогу хлеба, меду, сала, но расчета не получили. Пошли назад на призывной пункт. Гриша нас провожал.

Вечером на 15 подводах мы отправились в путь. Богатырь – Константиновка – ночью Роя.

Итак, я в армии, еще одно большое событие в жизни. Что-то ждет меня впереди? Конечно, много трудностей. Но все это интересно, как интересна и вся жизнь человека.

10.08.41. Рано утром на поезде нас повезли на ст. Ясиноватую. Там целый день ждали отправки, но так и не дождались. На ночь нас поместили в каком-то клубе. Мне впервые пришлось дежурить 2 часа ночью у входа.

11.08.41. С утра ждем в клубе отправки, т.к. идет дождь и холодно. Кормили нас в ж.д. столовой. В клубе масса народу, душно, накурено, грязно. Только в 2 часа ночи нас посадили в 2 товарных вагона. В нашем 70 человек, по 7 человек на полке.

12.08.41. Несмотря на тесноту, кое-как проспали ночь. Продолжаем стоять на той же станции. Нам выдали паек на 2 дня. ½ на 2 дня, ½ буханки хлеба и 1/3 кольца колбасы на человека. В магазине на станции удалось купить масла и винегрета. Холодно, идет дождь и очень скучно.

13.08.41. Ночью поезд, наконец, двинулся. Стоим на какой-то станции. После хлеба с салом и немного меду остатки продуктов из колхоза «Гер-Замет». Целый день наш поезд маневрировал, и только к ночи двинулись.

14.08.41. Сегодня ночью я 2 часа дежурил по вагону. Выдали опять продуктов: сухарей по 1 сельди. Играл с Вовой и другими в карты, но, конечно, без денег, которых у нас к тому же почти не было. Достали рогожи, вместо матрацев, т.к. от лежания на голых досках по 24 ч. в сутки начинают уже болеть бока. Вечером проехали в Волуйск Курской области.

15.08.41. Выдали черных сухарей и по 2/3 банки консервов. Купили на станции огурцов и молока. Почти целый день ехал на платформе, т.к. хорошая погода и любовался пейзажем: Дон, горы известняка.

16.08.41. Питаемся по старому: сухари, селедка, чай с сахаром. На станции купил ряженки. Познакомился с одним любителем математики Борисом... Решил одну интересную задачу по геометрии, которую он мне предложил. Очень приятное и интересное занятие, тем более что делать нечего.

17.08.41. Интересуемся теперь почти исключительно едой, т.к. питание недостаточное, а дела или какого-нибудь развлечения нет. Читать почти нечего, т.к. на 70 человек 3-4 книги. Вечером приехали в Пензу. Там мы с Вовой впервые за это время пообедали. Нам удалось взять в ж.д. столовой 2 последних обеда.

18.08.41. Едем смешанным лесом, много грибов. На одной станции ходил покупать молоко, и с фельдшером ночной команды чуть не остался, успели сесть в предпоследний вагон. Вечером проехали Сызрань. Переезд через Волгу я пропустил, т.к. уже спал.

19.08.41. Утром приехали в Куйбышев, где чуть не потеряли начальника и половину команды, которые ходили за продуктами.

20.08.41. Проехали Уфу и переехали реку. Ехал в открытом товарном вагоне и любовался природой. Начинается Урал. Чудные виды. Леса, горы, выветрившийся известняк. Наша команда начала распродажу вещей.

21.08.41. Видел опять во сне Киев и всех своих. Только почему-то они мне не очень были рады. Второй день немного нездоров, вероятно, из-за ненормального питания. Решил сегодня поэтому ничего не есть. На одной станции остановились недолго, я с Вовой ходил гулять в березовый лес. Очень приятно войти в лес из темного, надоевшего вагона. Товарищи достали и сварили картошки, и я изменил свое решение, т.к. был очень голоден: поел картошки с рыбой и выпил чая с хлебом и маслом. Вечером достали сена и теперь очень будем удобно спать. Утром проезжали мимо какого-то большого озера, кажется, Чебыркуль.

22.08.41. Чувствую себя неважно, но ел консервы, селедку, т.к. больше нечего. Почти сутки стояли на одной станции. Поздно вечером приехали в Челябинск. Здесь на вокзале нам удалось поесть.

23.08.41. Продолжаем стоять в Челябинске. Ходил по городу около вокзала. В основном одноэтажные и даже деревянные дома. Улицы плохо вымощены. Обедали опять на вокзале и даже ели мороженое. Денег у нас с Вовой осталось очень мало. Обед на вокзале был очень хороший и вкусный, пожалуй, я такого не ел за все время моего путешествия из Киева. Днем выехали дальше. На ст. Курган нам дали военный обед: уха с какой-то крупой и каша. Приготовлен обед был плохо, т.ч. много оставили, хотя большинство были как всегда голодны.

24.08.41. Рано утром приехали в Петропавловск, где получили продукты. В Омске мы узнали, наконец, что мы едем в Новосибирск, а я, Вова и другие со средним образованием, вероятно, попадем в артучилище. В Новосибирск должны приехать завтра утром. На перроне выпили квасу с мясными пирожками. Едем дальше – поля и бесконечные березовые рощи.

25.08.41. Я начал с Вовой тоже заниматься торговлей. Продал его белье за 45 рублей, т.к. сам он что-то стесняется продавать. Купили на следующей станции 1 литр молока за 3 р. и 0,5 литра променяли за полбуханки хлеба. Достал Тургенева, читаю «Затишье». Наконец приехали в Новосибирск. Виден большой вокзал. Сложили вещи и ждали нашего начальника, который ушел, вероятно, узнавать, куда нас направить. Но вот пришел фельдшер нашей команды и сказал, что мы поедem дальше. Тут же мы узнали про переход нашими войсками иранской границы.

Ходил на вокзал: красивый большой и очень уютный, но меньше Киевского. Перед отходом поезда ходил за получением продуктов и чуть не опоздал с другими на поезд. Сесть удалось в другой вагон.

26.08.41. На одной станции купили молоко и пообедали. Болит голова. Приехали на ст. Топки. Здесь долго стояли. Ходил по местечку и купил за 1 р. 60 стакан кедровых орехов.

27.08.41. Утром приехали в Сталинск. Это, оказалось, был конечный пункт. Нас всех направили в Виленское (или Сталинское) пехотное училище. Сейчас мы в бараке, на нарах. Водили нас на обед и на ужин. Кормят сравнительно хорошо. В 2 ч. ночи нас разбудили и повезли в баню, но она оказалась закрыта. Простояли около бани больше часу и ни с чем вернулись в барак.

28.08.41. Спали до 7.30. Очень болит левая нога, которую натер вчера ботинком, т.ч. хожу в балетках. Наш взвод пошел на учебу, а мне разрешили остаться. Сажу на нарах и скучаю. На дворе пасмурно, холодно и грязно. В бараке бренчит назойливая балалайка. После обеда нас водили в баню. Вечером ходил в санчасть на перевязку ноги. Написал письмо домой.

29.08.41. Вечером с большим наслаждением слушал радио в клубе, передавали произведения Шопена и Листа.

30.08.41. На занятиях сегодня опять не был. Немного читал. Перед ужином нас водили в кино, вечером опять ходил в санчасть.

31. 08.41. Встали сегодня сравнительно поздно. На работу со всеми не пошел. Заставили вместе несколькими другими «курсантами» убирать двор, поэтому решил следующий раз ходить со всеми. После ужина был в кино. Днем читал «Графиню Монсоро».

Сентябрь

1.09.41. Сколько лет в этот день у меня начинаются занятия в школе. Сегодня тоже занятия, только другого рода: строевая, уставы, винтовка. Удалось немного почитать.

2.09.41. Отправили делать ящики для песка. Целый день был очень голоден. Вечером было всеобщее построение, на котором нам читали мораль и объявили, что мы курсанты Сталинского пехотного училища.

3.09.41. До обеда была проверка не немецкому языку. Объявляя перерыв, преподавательница объявила: «Можно идти курить». Это показалось как-то странно, а ведь нас считают уже совсем взрослыми. Потом занимались строевой подготовкой, обрабатывали приветствие. Вечером были в бане, где я опять кое-что постирал.

4.09.41. Вечером записался в библиотеку и за неимением лучшего взял «Историю военного искусства». Потом опять ходил на перевязку.

5.09.41. Целый день возили бревна. Хотя шел дождь, время провели хорошо, т.к. были почти свободны, т.е. не чувствовали постоянного наблюдения свыше. Отправили телеграмму в Киев на Вовин адрес.

6.09.41. До обеда работали на постройке (овощехранилища). Промерз и промок. Вечером был в кино. Хожу в ботинках, купленных в Никитовке, и галошах, как хорошо, что я их взял с собой.

7.08.41. Сегодня ровно 2 месяца как я покинул Киев, но будто прошло уже несколько лет. Трудно привыкать к военной дисциплине. Условия, в которых мы живем, оставляют желать много лучшего. Спим на голых нарах. Ходим в своей одежде и обуви, которые у большинства, и у меня в том числе, очень порвались. Погода плохая, часто идет дождь и холодно. Страшная грязь, как хорошо, что у меня есть пальто и галоши. Питание наше не курсантское, и я, как и все остальные, всегда голоден. 2.09. нам объявили, что мы курсанты Сталинского ПУ, но теперь официально заявили, что мы кандидаты в разные военные училища, т.ч. положение наше здесь неопределенное.

Сегодня нас водили в цирк, там было курсантское собрание, а потом выступали артисты. Чувствую себя неважно, до обеда болела голова, и я даже принял «кальцекс», которым еще меня снабдила мама. Вечером ходил в кино, которое показывали в клубе, но звука не было. Я сидел на сцене с обратной стороны экрана, т.к. в зал не пускали. Наконец начали заживать мои ноги.

8.09.41. Во время занятий после обеда пришел какой-то командир и забрал 40 человек, и меня в том числе, грузить бревна. Но месте работы (там я уже работал прошлый раз) нас отвезли на трамвае. Работать не пришлось, т.к. не приехала трамвайная площадка для погрузки бревен. Вова купил брынзы и кедровых шишек и угостил меня. Долго и напрасно ждали площадку и вернулись на трамвае только к ужину. Теперь изменил несколько свою «форму»: брюки заправляю в носки, т.к. вследствие глубокой грязи они набирают ее на себя и начали уже превращаться в лохмотья.

9.09.41. Целый день таскали бревна и доски. В 6 ч. вечера наш взвод был назначен в наряд на кухне. Я, Вова и еще 10 человек назначены на кухне ближайшей курсантской столовой. Там мы надеемся хорошо поесть.

10.09.41. Всю ночь и весь день чистили картошку. Кушали, правда, прекрасно. Утром дали даже белый хлеб с маслом. в 6 ч. вечера после наряда нас хотели вести на выпуск курсантов, но опоздали. Очень устали и хочется спать, но пришлось идти со всеми в столовую на ужин и потом в баню. Вернулись в 12 ч. ночи.

11.09.41. Сегодня у нас новый командир взвода. Их назначают из выпускников-курсантов. По национальности большинство из них литовцы. Вечером нас водили в театр. Выступали акробаты и фокусник, но мы сидели далеко, и было плохо видно. Вернулись в барак в 12 ч. ночи. Спим теперь на матрацах и под одеялом. Отобрали сегодня наши вещмешки и спрятали в конторку.

12.09.41. В 5 ч. 20 мин. утра учебная тревога. Спать больше не удалось. Сегодня на строевых занятиях учились ползать. Перед обедом были политзанятия. После обеда опять

строевая подготовка и маскировка с новым командиром взвода занятия проходят интересно и как-то весело.

13.09.41. Холодно, пасмурно и сильный ветер. Вечером, когда мы уже шли на ужин, нас вернули для занятий немецким языком. На ужин пошли позже и чуть не остались голодными, т.к. предыдущие роты взяли много лишних порций. Сегодня выдали по 40 рублей. Был вечером в кино.

14.09.41. Как быстро летит время. Я уже начинаю привыкать немного к военной жизни. Сегодня день пропаж: пропали мои галоши из мешка, который сохранялся на складе, почти все тоже исчезло. Удивительно, что остался шерстяной джемпер, футболка и 2 сетки. Вещи в бараке держать запрещают, поэтому пришлось их спрятать в карманы и рукава пальто. Джемпер, т.к. довольно холодно, я одел на себя. Какая радость! Получил ответную телеграмму от мамы, первое известие из дома с 7 июля. Это было большим событием в нашем бараке, т.к. никто еще не получал писем. «Телеграмму получила, рады, здоровы, пиши. Деньги выслали. Кожевина». Воспользовался свободным днем и поставил заплату на свои брюки, которые имеют довольно жалкий вид. Закончил 1 ч. «Истории военного искусства» и взял II часть. Заставили сегодня всех побрить головы, но я только обстриг ее под машинку. Вечером был в кино, и опять с обратной стороны.

15.09.41. Занимались до обеда в клубе: уставы и слегка познакомились с ручным пулеметом. Когда нас привели в столовую, обеда еще не было и ком. взвода разрешил мне сходить на почту. Там я отправил маме поздравительную телеграмму: «Поздравляю, телеграмму получил, целую. Мирик» и также телеграмму Грише (адрес). «Для Гриши. Телеграфируй Сталинск Новосибирской обл. С.П.У. Кожевину». После обеда занимались тактикой и строевой. Взял в библиотеке «Капитальный ремонт».

16.09.41. Работали опять на постройке овощехранилища. Сдирали кору с бревен. Работа хорошая. Достали арбуз. После обеда съел 3 порции мороженого. На работе удалось достать порцию пшенной каши с маслом за 54 коп!

17.09.41. Учили в бараке уставы, а я читал «Капитальный ремонт». Вова получил на днях тоже 2 телеграммы из Киева.

18.09.41. Холодно. Туман. Назначен на ночное дежурство (дежурить по 4 часа). Сейчас все уже спят. Я сижу и читаю.

19.09.41. После ночного дежурства спал немного больше. После завтрака удалось почитать. В военторг привезли сыр, колбасу, помидоры – это здесь большое спасибо. Кто мог, бежал становиться в очередь. Но пришел ст. лейтенант, командир батальона и всех разогнал. Когда он ушел, мне все же удалось купить всего. Вова работал на машине и привез арбуз и булку. Благодаря всем этим продуктам вечером мы отпраздновали именины Сергея Потапова. Достали даже какой-то наливки. Сегодня нас водили на суд военного трибунала, судили троих за самовольную отлучку. Нашел наконец под нарами свои галоши, одна из них уже немного разорвана.

20.09.41. Утром прохладно, а днем даже очень жарко. Сразу после ужина нас повезли в баню. Там пришлось долго ждать. Выдали чистое белье. Вернулись в барак в 2 ч. 30 мин. ночи.

21.09.41. Встали в 6 ч. 30. После завтрака нам раздали лопаты и повели на работу. Ехали на трамвае, на поезде, долго шли по горам. Виды очень красивые. Целый день копали картошку. Вернулись в 10 ч. вечера. Кормили нас сегодня хорошо.

22.09.41. Сегодня опять у нас переменяли комвзвода. На занятия ходили в поле, но, т.к. пошел дождь, ушли на стадион и там под крышей учили уставы. Перед ужином всех построили и отделили курсантов со средним образованием. Нас перевели в другую роту и в казарму.

23.09.41. Целый день занимались в поле. В 6 вечера наш взвод пошел в наряд. Я и еще 8 ч. остались.

04.09.41. С утра нас (9 человек) отправили опять на выкапывание картошки в горы. Туда ехали на машине, назад поездом. Пообедали сытно на работе и еще перед отъездом поели в столовой на станции (дешево и вкусно). Приехали и сразу же поужинали. Интересуемся почти одной едой.

25.09.41. До обеда занимались на стадионе огневой подготовкой. После обеда нас (13 чел.) взяли на кухню чистить картошку. Там мы, конечно, хорошо покушали. За вчерашнюю работу получили благодарностью. Выдали простыней и наволочки. Наше отделение до часу ночи мыло пол в казарме.

26.09.41. Занимались в поле. Пришлось много бегать, что очень утомительно. После обеда занимались в помещении: лекция о международном положении и огневая подготовка. Вечером занимались немецким языком. Зашивал свое пальто, которое еле держится. Ночью опять пропали мои галоши.

27.09.41. До обеда удалось устроиться на работу. После обеда были занятия в классе. Вечером удалось в клубе поиграть на рояли, но я почти все забыл. Каждый день хожу на почту (при училище) справляться о высланном из Киева переводе и также в библиотеке, где надеюсь найти какую-нибудь книгу, т.к. большинство художественной литературы на руках, а очень хочется чем-нибудь отвлечься. Легли спать равно, в 10 ч. вечера, т.к. завтра воскресенье, и нас, как всегда, пошлют на работу.

28.09.41. После завтра нас (одетых и обутых только) на машинах повезли в совхоз на работу. Ехали горами. Виды очень красивы, но холодно. Работа хорошая: скирдовали солому. Еще в бараке у некоторых появились вши, сегодня нашел и у себя. Это, конечно, очень неприятно.

29.09.41. Сегодня одно подразделение курсантов с неполным средним образованием уезжает в другое училище. Надеюсь, что скоро и нас куда-нибудь отправят. Сегодня с Борисом... опять занимались математикой во время послеобеденных занятий по саперному делу. Вечером читал.

30.09.41. После завтрака были в бане и получили наконец чистое, хотя и старое белье. После обеда занятия.

Октябрь

Целый день на работе: переносили мебель, качали воду. С помощью одного рабочего удалось купить кефиру в комсоставской столовой. С нетерпением жду писем и перевода.

За ужином произошел спор из-за хлеба, т.к. его подают нарезанным на не совсем равные порции. Вечером присутствовали на суде за кражу. Судили 4 человек.

2.10.41. Сдавали испытания по винтовке и учили РПД.² После обеда нас водили тушить пожар. Горела смола в громадной яме, это было очень красиво. Яму мы засыпали сверху пиком. Когда шли назад, попали в громадную полосу едкого дыма. Командир нашего взвода растерялся, все разбежались, и кто проскочил через дым, а кто обходил его стороной. Вечером сдавали строевую подготовку, повторяли пулемет. Мне удалось немного почитать и пришить вешалку к своему пальто.

8.10.41. Физзарядку утром делаем на дворе без рубашек, и очень холодно. Сегодня записался, как окончивший 2 курса медтехникума, куда – точно не знаю, но во всяком случае что-нибудь лучше СПУ. Записалось и много других, так что, вероятно, из этого ничего не выйдет.

4.10.41. Ночью дождь. Погода ужасная. Страшная грязь. А я без галош! К счастью, занимались в помещении. Вечером был в кино и на вечернюю поверку опоздал. На поверке назначали на работу на завтрашний выходной день, но т.к. меня не было, то меня на работу не назначили.

5.10.41. Подняли всех в 4 ч. Потом тем, кто на работу не пошел, разрешили спать полтора часа. На завтрак заставили идти раздетыми, т.к. стало теплее. Мыл пол в коридоре. Потом читал в клубе «Чрево Парижа» Бальзака. В это время наша рота пошла на обед, к счастью, меня выпустили за ворота, и я успел вовремя придти в столовую. Сегодня получил телеграмму из Б.Янисоля: «Гриши нет. Пишите. Четвертак». После обеда нас водили в кино. Ходят слухи, что завтра нас будут куда-то отправлять, но я что-то не очень им верю, т.к. это уже не первый раз.

6.10.41. Сегодня нам стало известно, что нас направляют в артучилище. Сегодня кто-то стащил мою кепку. После обеда занимались в поле, а потом пошли заниматься на стадион, но занятия не состоялись. На стадионе в буфете продавали кашу, картофель, кефир и по 200 г. хлеба, но воспользоваться этими благами не удалось, т.к. комвзвода нас увел с этого места. Нашел сегодня свои галоши, один на одном, другой на другом курсанте и, конечно, забрал их обратно себе.

7.10.41. Мелкий дождь и грязь. Но я теперь этого не боюсь, т.к. опять имею галоши. Плохо только было без шапки. Старшина дал мне сегодня старую, громадную кепку, это все же лучше. Целый день происходила подготовка к отъезду, сдаем постели и т.д. Но занятия все же продолжаются: читаем уставы, хотя никто не слушает. Я решаю задачи по математике. Сегодня выпустили двух курсантов с гауптвахты (Коломиец и др.) Они поедут с нами. Был на почте, ни писем, ни перевода. После обеда поехали. Снова началась кочевая жизнь. В нашем вагоне 100 человек – страшно темно. У меня места под самой крышей рядом с Вовой. В училище нам выдали хлеб и сахар за ужином и по 8 р. за питание на завтрашний день.

8.10.41. В 12 ч. ночи на остановке ходил в буфет в поисках пищи, но удалось только порцию овсяной каши, т.к. уже все расхватили. В 4 ч. утра на другой станции обеда опять хватило и удалось взять только жареных грибов с лапшой. Спал неважно. Темно и холодно. Хорошо, что не продал еще своей надувной подушки, т.к. на ней все же удобнее было спать. В 4 ч. дня приехали на ст. Топки, где удалось наконец пообедать: щи с хлебом

² РПД – ручной пулемет Дегтярева.

и 2 порции пшенной каши с изюмом – все это за 1 р. 56 коп. Больше взять не удалось, и я остался неудовлетворен, возможно, по привычке. Вечером Вова угощал меня арбузом.

9.10.41. Спать много не пришлось, т.к. спим в 2 очереди и пришлось уступать место другим. Часов в 5 утра приехали в Томск. Нас сразу повели в артучилище. Шли сначала по страшной грязи, потом по деревянным тротуарам. Здесь выпал первый снег. Привели в здание училища и предложили доспать ночь, кто где найдет место. Я достал какую-то большую крышку, и на ней проспал до подъема. Завтрак был поздно, в 12 ч. дня, а я был очень голоден и с трудом его дождался. На завтрак нам принесли по куску хлеба с маслом, кусок селедки чай с сахаром. Обедать нас водили в столовую. После обеда делали себе двухэтажные нары. Стук, треск кругом, а мне как-то очень невесело на душе. После ужина выдали наволочки, матрацы и одеяла. Сегодня нас распределяли во взводах. Я во 2-м, а Вова – в 1-м взводе 12 батареи 4-го дивизиона.

10.10.41. Утром нам выдали полотенца, в военторге купил мыло, и после обеда нас повели в баню. Ждали долго и напрасно – помыться не пришлось. Купил только около бани кедровых орехов. Питание здесь несколько лучше, порции не больше, но пища жирнее и питательнее: утром дают масло, в обед компот, больше сахара, но белого хлеба здесь не дают. Отправил открытку в Сталинск с заявлением о пересылке корреспонденции из Сталинска.

11.10.41. Начались занятия, но еще неорганизованно: строевые и уставы. Выдали немного учебников. Командир взвода у нас мл. л-нт Лобов, а сержанты, как и в Сталинске, назначены из нас.

12.10.41. Спать сегодня дали до 8 ч., но физзарядка все же была. После завтрака с 12.00 до 17.00 по случаю воскресенья перебирали картошку на складе. Когда шли на склад, то проходили через центр – оказывается, Томск довольно красивый город. После ужина было кино, но до конца не показали, т.к. шло поздно.

13.10.41. С сегодняшнего дня начались регулярные занятия. Утром изучали материальную часть артиллерии – показывали пушку, гаубицу. Потом была стрелковая подготовка – повторяли винтовку. Артиллерию изучали в «учебном корпусе» (здание индустриального института в 25 шагах от казармы). Познакомились с программой обучения. После обеда – час отдыха. В 6 ч. вечера я пошел в наряд. Вечером была «мандатная комиссия» - всех опрашивали, в частности, о желании учиться. Дневальным полагается мыть полы в казарме, но на наше счастье несколько человек было назначено в наряды. Они это сделали за ночь, с 10 ч. вечера до 2 ч. ночи.

14.10.41. Ночью спал 4 часа, до 6 утра. С 10 ч. до 2 ч. дня опять дневалил, т.е. стоял у входа в расположении батальона, следил за чистотой и за появлением начальства. После дежурства отдыхал и даже спал. Удалось в нашем военторге купить 100 грамм белого хлеба, благодаря чему сытно поужинал. Почти каждый день занимаюсь математикой.

15.10.41. Занятия идут полным ходом. Вечером во время самоподготовки я переписывал конспекты пропущенных вчера занятий. Плохо только очень, что далеко «учебный корпус», куда приходится ходить несколько раз в день. Одежда моя стала очень рваться, а форму только обещают. В час отдыха опять удалось купить в военторге 200 г. хлеба.

16.10.41. Очень хорошая погода и на обед ходили без пальто. Занятия были сегодня: строевая, топография, сандело, ружейная винтовка.

17.10.41. Было только три урока, т.к. нас решили вести в баню. Собрали вещи, отдали во дворе, но в баню почему-то не пошли. Меня и еще несколько курсантов взяли перевозить книгу в библиотеку (ДКА)³, учебной корпус. С жадностью смотрел и перебирал я груды книг. Все курсанты взяли, что кому понравилась, я же взял несколько учебников математики средней школы и «Введение в аналитическую геометрию».

18.10.41. Наконец нас повели в баню, что было очень кстати, т.к. насекомые нас заедают. Продезинфицировали одежду, получили чистое, почти новое белье и обстриглись под машинку. После бани были занятия, вечером после ужина в столовой смотрели кинофильм «Песнь о любви».

19.10.41. В 12 ч. было общее собрание училища. После собрания произведен капитальный ремонт брюк, которые после вчерашней обработки совсем расползлись. Набили наконец матрасы соломой и постелили простынями. После ужина кино «Очная ставка»

20.10.41. До завтрака и после занимались на стадионе. Мороз, снег, и я очень замерз. После обеда взял направление в санчасть к зубному врачу, который находится на другом конце города. Пошел первый раз сам в город, так приятно чувствовать себя хоть немного самостоятельным. Купил по дороге мороженого и кедрошек на последние деньги. Доктора в санчасти не дождался, но зато сделал приятную прогулку.

21.10.41. Утром был в бане, т.к. начали вести решительную борьбу с насекомыми. Сегодня я «заготовщик», т.е. перед каждой едой заготавливаю с несколькими курсантами всю еду на столах нашей батареи. Эта работа считается очень выгодной, т.к. заготовщики могут досыта наесться и могут кое-что и стащить про запас, например, хлеб, а особенно сахар. До последнего я, конечно, не дошел, но хорошо поесть, конечно, постарался. Получили по 40 р. и как раз вовремя, т.к. у меня нет ни копейки. Болит голова, возможно, немного простудился. Принял кальцекс.

22.10.41. После второго урока были в бане. Выпил там квасу. После обеда, в городской столовой, напротив, съел «стерлядь» с картошкой за 2 р. 70 к. Это для меня является крупным расходом.

23.10.41. После обеда, в 16 ч. 15 м. опять пошел к зубному врачу. По дороге пообедал втайне в городской столовой с двумя курсантами: щи 19 к. и грибы 1 р. 55 к. Зубной врач предложил через неделю придти рвать зуб. На обратном пути обнаружил работающий ресторан, где съели уху и рыбные котлеты за 2 р. 60 к. Вернулись в 20 ч. 15 м. на самоподготовку. Очень приятно хоть немного чувствовать себя свободно, но это скоро станет невозможно, т.к. в форме нас будут везде задерживать и не будут пускать.

24.10.41. Занимались, как и всегда, и как всегда почти бегом ходили в «учебный корпус» на классные занятия.

25.10.41. Несколько раз ходили на занятия в «учебный корпус». Сегодня начали изучать конное дело, седлали коня. Выпал снег. Скользко. Теперь тает. После ужина было кино.

26.10.41. Подъем в 8 ч. Приводили в порядок помещение, вытряхали постели. Во время завтрака, как и всегда в воскресенье, играл оркестр: «Турецкий марш» Моцарта, так приятно слушать и вместе с тем грустно. Начал изучать «Введение в аналитическую геометрию», добытую при перевозке книг, – очень интересно. Зашивал свои брюки,

³ ДКА – Дом Красной армии

которые уже еле держатся. После обеда всех раздели и пропаривали одежду. Я лежал и читал «Первые люди на луне» Уэльса. Хотя это довольно стыдно, но интересуемся больше всего едой, т.к. всегда очень голодно, вследствие этого очень часто при дележке пищи в столовой происходят споры, что, конечно, очень неприятно.

27.10.41. После первых часов строевой подготовки остался опять парить белье. Лежал, читал и занимался математикой. После обеда занимались в здании школы, которая находится метров в 300 от казармы по дороге в столовую. Получил первую открытку от Гриши К. с дороги в Тбилиси. Удивительно то, как он узнал мой Сталинский адрес, откуда мне переслали открытку.

28.10.41. Занимались на стадионе и в школе. Перестали почему-то давать сахар. Послал ответ Грише. Окончил «Первые люди на луне», которую прочитал с большим удовольствием, т.к. несколько отвлекся.

29.10.41. До обеда пилили и кололи дрова для «школы». Вечером нас водили на суд воентрибунала.

31.10.41. Обещают на днях выдать наконец форму. Сахар стали опять получать и утром, и вечером.

Ноябрь

2.11.41. До обеда часа 3 работы в конюшне. В 6 ч. вечера заступил дневальным на батарею.

3.11.41. Ночью спал часа 3. Утром, когда я стоял на посту, мне принесли завтрак. Я тут же и стал есть. Это заметил командир батареи, очень рассердился, грозил, что заставить меня 10 дней мыть за это пол. Целый день занимался уборной и мыл пол. Настроение плохое.

4.11.41. Сегодня наконец после обеда нас повели в баню и обмундировали, т.е. одели в военную форму. До бани мы целый день мыли помещение. Форма наша состоит из зимней шапки, бушлата и кирзовых сапог. Гимнастерка и шаровары – хлопчатобумажные. Форма велика, мешковата, но по сравнению с нашей одеждой очень хороша. Перед обмундированием большинство курсантов распродали свою гражданскую одежду, т.ч. многие, несмотря на прохладную погоду, пришли в баню в футболках, а некоторые почти босиком.

5.11.41. Вчера и сегодня идет дождь и мокрый снег. Но нам теперь это не очень страшно. Правда, в обмундировании к нам предъявляют большие требования.

6.11.41. Выпал снег. Скользко. Выдали сапожную мазь. Купил в военторге немного колбасы. Занимался математикой.

7.11.41. Настоящая зима. Ходили по городу на демонстрацию. Уже 4 мес., как я из Киева. Так давно. Почти уже привык к этой жизни. Но когда вспоминаешь дом – очень тяжело. Что-то там теперь?

8.11.41. Был в бане, т.к. опять появились насекомые. Возможно, это потому, что я оставил свою резиновую подушку с наволочкой и джемпер. Хотя мороз, но в столовую нас водят в гимнастерке.

9.11.41. Сегодня месяц, как я в артучилище.

10.11.41. 4 часа занимались тактикой в поле. Плохо, что очень промокают сапоги.

11.11.41. Читаю «Рожденные бурей» Н.Островского.

12.11.41. Выдали наконец рукавицы.

13.11.41. Сильный мороз. 6 ч. занимались тактикой в поле. Начали случаи обмороживания.

14.11.41. После раннего ужина, в 10 ч. вечера нас повели на работу на электростанцию. Вернулись в 2 ч. ночи. Спать дадут до 8 ч.

16.11.41. Сегодня, по случаю воскресенья, нам показывали курсантскую «самодеятельность» – конечно, мало интересно.

17.11.41. Очень сильный мороз, кажется, до -30°C . Трудно переносить наружные занятия. Особенно сильно мерзнут ноги, т.к. сапоги и портянки сильно промокают за день, а сушить их негде, хорошо, что хоть научился сушить портянки, кладя их на ночь под простыню.

18.11.41. Вечером заступил в наряд дневальным по батарее. Ночью немного спал.

19.11.41. Затопило из труб водяного отопления все «расположение». Пришлось везде мыть полы. Купил в военторге 400 г. хлеба и поэтому очень сытно пообедал. После наряда удалось попасть часа 3.

21.11.41. Выдали по 20 р. Сегодня первый раз ездили верхом.

22.11.41. Днем «заготовщиком» в столовой. Вечером было кино.

23.11.41. Были в бане, где нам выдали наконец теплое белье. Опять водили нас на самодеятельность.

24.11.41. Занятия по тактике, н. т.к. выдали валенки (для занятий) и старые портянки, было тепло.

25.11.41. Сегодня был у зубного врача, где вырвал зуб. Очень неприятное дело, и я чуть даже не потерял сознание. Получил открытку от Гриши.

27.11.41. Получил письмо от Гриши. Он работает на каком-то заводе в Тбилиси, находится в очень тяжелых условиях. Написал ему ответ. Вечером я и еще человек 10 курсантов мыли полы за опоздание в строй.

28.11.41. Охрип, кашляю.

29.11.41. Купил в военторге 0,5 копченой рыбы за 2 р. 80 к. Вечером было кино «Цирк».

30.11.41. Я с двумя курсантами на работе. Возили картофель, мясо, хлеб. Взяли немного хлеба. Пообедать ухитрились 2 раза и очень довольны сегодняшним днем.

Декабрь

2.12.41. Назначили за что-то в наряд вне очереди на конюшню.

3.12.41. В наряде сегодня было неплохо. Достали пива и выпили после обеда. Вечером удалось отдохнуть.

4.12.41. Опять в наряд на конюшню, но уже в очереди.

6.12.41. Вечером нас водили в городской театр. Билет 3 р. Смотрели «Кто смеется последним». Очень веселая вещь, много смеялся. Вернулись в казарму в 2 ч. ночи.

7.12.41. По случаю выходного дня – 25-километровый поход, который мы проделали за 10 часов. Обедали и ужинали вместе после похода. Вот уже 6 мес. как я из Киева, почти полгода.

9.12.41. Уже 2 или 3 недели как нам увеличили порцию мяса, дают и утром и вечером по 25 г.

11.12.41. 6 часов занимались тактикой в поле. После обеда 2 раза ходили в баню и наконец помылись.

13.12.41. После завтрака заступил в наряд на кухню. Это считается завидным нарядом, куда все хотят попасть.

14.12.41. Сменился с наряда. Ел там, конечно, очень хорошо. Ночью спали часов 5. Днем тоже спал. Вечером было кино «Александр Невский».

15.12.41. 6 часов занятий в поле. Решил завязать переписку с ближайшими родственниками – тетей Лидочкой и Ирочкой Курбатовыми. Написал в Новосибирск в адресный стол, чтобы узнать их адрес.

16.12.41. Выдали по 40 р. Из них 10 р. дал на «Осоавиахим».

19.12.41. Сильный мороз - 35°C. Составил новое расписание занятий. Прочитали новые нотации о поведении на занятиях.

21.12.41. Вчера и сегодня в наряде на конюшне. Там варили картошку, которую достали в столовой.

26.12.41. Потеплело - 20°C. Сегодня идем в караул.

27.12.41. В карауле было хорошо. Кормили тоже неплохо. Вечером после караула нас водили в театр.

28.12.41. Колол дрова для «школы» и ударил сильно ногу, хромаю.

30.12.41. Читаю Тургенева. Вечером убирал коридор до 3 ч. ночи, за то, что что-то (сам не знаю) нашли у меня под матрацем.

31.12.41. Так как вчера поздно лег спать, дремал сегодня на уроке. За это меня обещали вечером послать в наряд на конюшню. Занимались и замерзали в поле. Потом работал до обеда по оборудованию миниатюр полигона в «школе». После обеда опять работал в «школе» и на конюшню не попал. Новый год встретили в бане.

1942 год

Январь

- 1.01.42.** Сегодня выходной день. Мне посчастливилось попасть в заготовщики. Вечером пришлось все же идти в наряд на конюшню. Здесь мы втроем отметили новый год: сварили картошки, а один курсант достал даже чего-то спиртного.
- 2.01.42.** После обеда продолжали на конюшне праздновать новый год.
- 4.02.42.** Вчера заступил опять в наряд – дневальным по коридору. Ночью можно спать, т.ч. наряд хороший. Сегодня первый раз стреляю из боевой винтовки. Попал 2 из 3-х, т.е. хорошо. Вечером было собрание училища в столовой.
- 5.01.42.** Вечером мыл пол за то, что дремал на политинформации.
- 6.01.42.** Очень хочется спать, и я вечером во время самоподготовки лег спать в темной комнате, но меня там обнаружили и я чуть опять на получил наряд.
- 7.01.42.** Сегодня мы приняли лошадей, за которым по очереди ухаживают все батареи нашего дивизиона. Вот прошло полгода моей самостоятельной жизни. Уже привык. Но все же очень и очень тяжело. Уехали Орял и Коломиец, их отправили из училища как неуспевающих и недисциплинированных.
- 8.01.42.** Вечером опять мыл пол.
- 9.01.42.** Тепло - 10°C. Очень много занимаемся строевой подготовкой. Страшно хочется спать.
- 11.01.42.** Со вчерашнего вечера в наряде по коридору. Спал достаточно. Вечером было кино «Большой вальс», которому я очень рад.
- 15.01.42.** Со вчерашнего вечера в наряде в ветчасти. Это очень хороший наряд, т.к. помещение теплое, работы мало. Варили картошку и очень хорошо пообедали. Одед свой шерстяной джемпер, который прятал между досок в нарах.
- 17.01.42.** Опять в наряде на конюшне ветчасти. Опять варили картошку. Один работник ветчасти угощал нас разведенным медицинским спиртом и сам напился до бесчувствия. Выдали нам сегодня по 30 р., по 2 воротничка и по 2 платка.
- 28.01.42.** Воспользовавшись тем, что в наряде мне удалось починить у одного сапожника свою резиновую подушку, которая на днях стала пропускать воздух, ходил в город, и в одном магазине мне удалось купить без очереди сухарей. Обедал хорошо. Сегодня приняли присягу.
- 21.01.42.** Занимались в поле днем, а также и ночью.
- 22.01.42.** Как и всегда, 2 раза ходили в баню. В одном магазине удалось купить консервы «крабы». Готовимся к выводке лошадей и поэтому до 2 ч. ночи чистили их. Очень устал и хочется спать.

25.01.42. До обеда осмотр – выводка – коней. Вечером кино «Заклученные».

27-28.01.42. В наряде на кухне.

29.01.42. Ночью мыли лошадей.

30-31.01.42. В карауле. Очень хорошо. Ели прекрасно.

Февраль

1.02.42. Сегодня нам обменяли наши старые черные бушлаты на новые, защитного цвета, т.к. старые успели уже очень обтрепаться и запачкаться.

2.02.42. Сегодня радостный день – сдали лошадей на которых мы к тому же почти совсем не ездили, а чистка коней нам очень надоела.

3.02.42. Тактические занятия в поле. В поле и обедали. Очень замерз, т.к. мороз - 40°С.

7.02.42. Получил из Новосибирского адресного стола адрес Ирочки и написал ей письмо.

12-13.42. Дневалил на конюшне.

14.02.42. Выдали по 40 р. Вечером было кино.

15.02.42. Лыжный кросс. Я в нем не участвовал. Были в театре.

18.02.42. Опять лыжный кросс. Я опять не участвовал и остановился стеречь бушлаты участников у старта.

19.02.42. Работал при «школе». Заготавливали дрова.

21.02.42. Занятия тактикой в поле. вечером кино.

22-23.02.42. Был в карауле.

26.02.42. Дневалил по батарее, довольно удачно, т.к.удалось отдохнуть. Были первый раз в центральной бане и очень хорошо помылся душем.

Март

1.03.42. Первый день хорошая погода. Прививали брюшной тиф.

2.03.42. Ходил в санчасть к зубному врачу. Были в бане.

8.03.42. Первый настоящий выходной день, который не занят ни работой, ни культурно-массовыми мероприятиями. Читал французские и английские брошюры, которые купил 2.2. по дороге в санчасть.

11.03.42. Получил ответ от Ирочки. Приглашает приехать к ним на майские праздники, т.к. думает, что я получу отпуск.

14-15.03.42. В наряде на кухне.

16-17.03.42. В карауле.

18.03.42. Получили по 40 р. курсантской «стипендии».

19-20.03.42. В наряде на конюшне.

22.03.42. Были в бане, а вечером нас водили в театр.

23.03.42. Сегодня Вова получил письма от Жоры Салова и Микки Крижановского. Они в в/училище в Красноярске.

25.03.42. Написал письмо Мике.

26.03.42. – 27.03.42. Немного нездоров. Готовимся к выезду.

29-30-31.03.42. На выезде одеты тепло. Очень хочется есть. Возвратились в 3 ч. дня. Очень устали. Спали от обеда до ужина.

Апрель

4.04.42. Работали на уборке льда на дворе конюшни. Заступил в наряд часовым у ворот казармы. Вечером, когда я не стоял на посту, удалось посмотреть кино «Бесприданница».

10-11-12.04.42. Выезд с боевыми стрельбами. Много пришлось работать, но выезд этот очень много нам дал.

13.04.42. Тепло, тает и даже местами уже сохнет.

14.04.42. Весна. Занимаемся опять в большом «учебном корпусе». Заступили в караул № 2 – картофельный склад. Караул 3-го разряда, нас там только четверо.

15.04.42. На картофельном складе, угощались картошкой. После караула ночью были в бане. Вернулись в 4 ч. утра.

16.04.42. Опять выпал снег. Завтра начинаются испытания.

17-18.04.42. Вчера и сегодня первые испытания по артиллерии (огневая и матчасть).

19.04.42. По случаю воскресенья чистили новую гаубицу (М-30). Кончил читать «Пушкина» Тынянова. Приняли в ВЛКСМ.

- 20.04.42.** Получили очередные 40 р.
- 21.04.42.** Испытания по топографии. Тепло, +5°C и больше.
- 22.04.42.** Испытание по политподготовке. Мыл пол за плохую заправку койки.
- 23.04.42.** Испытания по артиллерии.
- 24.04.42.** Испытания по тактике, которое на закончили. Вчера был дождь. Снегу почти нет. Страшная грязь. Мою лошадь куда-то забрали, что меня очень радует.
- 25.04.42.** Сегодня закончили испытания по тактике. Занимались строевой подготовкой. Очень жарко.
- 26.04.42.** Со вчерашнего вечера в наряде на кухне. Но ел там мало.
- 27.04.42.** Занятия: строевая, артиллерия.
- 28.04.42.** Сдали сегодня свои бушлаты, т.к. тепло.
- 29.04.42.** Болит голова. Холодно, дождь, снег. Сдали теплое белье. Были в бане. После обеда переобмундировали. Выдали все новое. Шинели тонкие, английского сукна, желтовато-коричневые. Пояса дали хуже, чем были – узкие, матерчатые.
- 30.04.42.** Нас всех, курсантов-выпускников, повели на торжественное выпускное собрание, которое началось в 12 ч. дня. Настроение несколько праздничное, но очень хочется спать, т.ч., когда зачитывали приказ о присвоении званий (который читали больше часа), я задремал и проспал даже свою фамилию. Мне, как и большинству курсантов, присвоили звание «мл. л-нт». После приказа был концерт, чувствую себя неважно. Кашель и хрипы в груди.

Май

- 1.05.42.** Хотя на уже «выпустили» из училища и мы средние командиры, но для поддержания ослабевшей сразу дисциплины с нами продолжают занятия. Сегодня 6 ч. занимались тактикой в поле. Холодный ветер. Заниматься совсем нет желания.
- 2.05.42.** Кажется, завтра не будут отправлять из училища. До обеда почти все время на конюшне чистили амуницию. Ходил в санчасть. Признали у меня бронхит и ставили банки. Выдали зарплату на май, как комвзводов резерва – 498 р. всего. С оставшимися деньгами у меня 616 р.
- 5.05.42.** После завтрака бродил по городу, был на толкучке в поисках какого-нибудь ножа, но не нашел. Вещи все собраны. Ждем отправку. Сдали постель. После ужина было кино. Выдали по полотенцу, по куску мыла и вторую пару белья, которое я надел, т.к. прохладно и некуда его класть.
- 4.05.42.** Спали на голых нарах, в шинелях. Ждем. Делать нечего. Выпускники наши достали водки, и некоторые ходят пьяные. У меня же на это нет желания, да и дорого – 50

р. литр. Думаю о дальнейшей службе. Сумею ли? Последнее время я вполне стал удовлетворяться едой, хотя пища осталась та же. Как будто большой аппетит – это только свойство курсанта, который он теряет, став средним командиром. Оглянешься на прошедший год, и кажется, что недавно сюда прибыл: все дни, как один, похожи друг на друга.

5.05.42. Все еще не едем. Получили сухой паек на 6 дней, на дорогу заплатили 8 р. 60 к.: хлеба 3,6 кг. (2 буханки), 2 селедки – 5- г., махорки. Заплатили 51 р. за еду в столовой за 4,5 и 6. т.к. за нас как за средних командиров уже государство платить не будет. Утром шел мокрый снег, днем жарко.

6.05.42. Едем сегодня ночью, т.е. 7.5 в 0 ч. 45 мин. Ходил по городу, был в магазинах. Читал в городской библиотеке «Овод» Войнич. Получили по 50 г. колбасы в добавок к сухому пайку, которую съел вместе с хлебным добавком.

7.05.42. Ночью не поехали. Остались неизвестно на сколько. Работали на конюшне, чистили стремена, потом спал. Был в парикмахерской: стригся и первый раз брился. До ужина был в библиотеке ДКА.

8.05.42. Все утро были на конюшне. Стирал свои платки. Потом были в библиотеке. Вечером опять в библиотеке, а потом на постановке кукольного театра Образцова. Часть выпускников уже уехала. Заплатили еще по 41 р. за еду за 3 дня.

9.05.42. Весь день были в поле с командиром батареи. Занятий не было. Но нас увели, чтобы не шатались по городу и не пьянствовали. Многим за пьянку уже записали в денежный аттестат по несколько суток ареста. После ужина наша группа в составе 20 ч. наконец покинула Томск. Выехали совсем внезапно. Даже с Вовой не успел проститься.

Итак, хотя мне только еще 19 лет, я уже самостоятельный, взрослый человек – средний командир, едущий на фронт.

Пройден еще один период жизни, сравнительно короткий, всего 10 месяцев, но очень тяжелый для меня. Одиночество, трудности военной жизни, которую я не любил и не люблю, все это сначала было тяжело для меня.

Одиноким я чувствовал себя уже потому, что я, никогда раньше ни на один день не разлучавшийся со своими родными, оказался теперь не только разделен с ними несколькими тысячами км. и лишен из забот и внимания, но и не имел с ними никакой связи (сперва из-за моих частых переездов, потом – из-за оккупации Киева). Только когда я еще был в пехотном училище в Сталинске, я получил от мамы короткую ответную телеграмму, что было для меня, конечно, огромной радостью. И это было все. Вскоре Киев был занят немцами, и я не имел ни малейшего понятия о судьбе моих родных. Под влиянием сообщений о немецких зверствах, я, конечно, передумал все, но все же всегда жил надеждой когда-нибудь встретиться с ними.

Большой поддержкой для меня было то, что со мной были мои школьные товарищи Гриша К. и Вова П. Последний учился со мной вместе в артучилище. Но там мы находились в разных взводах, все занятия проходили отдельно, свободного времени почти совсем не было, и мы как-то отдалились друг от друга.

С товарищами я тоже не сближался и не дружил.

Трудности военной жизни заключались для нас в основном в том, что весь день был заполнен занятиями и другими военными делами, и ни минуты обычно не было свободного времени. Круглые сутки мы находились под наблюдением своих командиров, которые считали своим долгом не давать нам ни минуты покоя. Все, что мы делали, делали по команде и как можно быстрее. Ходить за пределами училища можно было только строем. Много приходилось бегать, мало спать, мало есть и много мерзнуть.

Теперь подробнее о нашей жизни, о нашем распорядке дня.

6 ч. утра. Подъем. Мы все уже так приучились, что когда дежурный только еще собирается кричать «подъем», все уже сквозь сон это чувствуют, как только раздается ненавистная команда, все уже вскочили и одеваются. Думать тут не нужно, все делается по привычке, автоматически, как почти все в течение суток. Над нами стоят поднявшиеся за 15 минут командиры отделений, помкомвзвода, а иногда и старшие командиры, и все нас торопят и подгоняют. Через 2-3 минуты вместо 5, раздается команда «становись» - для выхода на физзарядку. Беда тому, кто опоздает, ему обеспечен наряд вне очереди, большей частью мытье пола после отбоя. Некоторые курсанты, чтобы не опоздать в строй, пытались одеваться заранее под одеялом, но, конечно, если это заметит командир, без взыскания не обойдется. После построения моментально повзводно нас отводят во двор. Выходили мы не физзарядку или совсем по пояс раздетые или, если одеты, то очень легко и, конечно, замерзали. Физзарядкой руководили руководители ком. отд. и помкомвзвода. После окончания физзарядки, все 3 дня помещавшиеся в одном здании, всего человек 600-700, пытались одновременно пройти в одну дверь, имеющуюся в казарме, и получалась, конечно, невообразимая давка. Прорвавшись, наконец, в казарму, приступали к умыванию. Умывальников слишком мало, вода не проходит, а стоит на полу озером до 10 см. глубиной, у каждого крана по 6-7 человек, а за каждым из них уже образовалась большая очередь. Но бывает, что воды совсем нет, тогда совсем не моемся или при наличии снега умываемся им.

После умывания – утренний осмотр, обычно на вшивость. После осмотра – «строиться на завтрак!». Столовая наша находится сравнительно близко, метров в 500 от казармы, в физкультурном зале городского стадиона, где у нас артпарк и плац для строевых занятий.

В столовой ели в несколько очередей и очень часто приходилось ждать у столовой, а потом наспех есть, чтобы не опоздать на занятий, когда мы шли обычно прямо из столовой. Классные занятия проводились сначала в здании индустриального института в 2-х км. от казармы, куда часто, почти бегом, чтобы не опоздать на урок, мы ходили по несколько раз в день. Потом наш дивизион стал заниматься в бывшей школе, небольшом двухэтажном деревянном доме, метрах в 300 от казармы. Иногда обычно уставами занимались в казарме. Классные занятия, которых было меньше, проводились по политподготовке, уставам, артстрелковой, иногда по топографии и редко по тактике и инженерному делу. Остальные же занятия: строевая, физподготовка, огневая, матчасть, тактика и инженерное дело – проводились на стадионе или в поле, что было, конечно, очень неприятно из-за сильных морозов, доходивших до 40°C. Часто были тактические выходы и выезд по 4-6-10 часов, а 2 раза и по несколько дней. Пользы от этих наружных занятий в обстановке, приближенной к боевой, было, конечно, очень мало, т.к. обычно мы и сами руководители бежали только как бы согреться. После обеда – чистка оружия и один час отдыха. После отдыха еще 2 часа занятий. Потом массовая работа и 30 минут личного времени, которое обычно использовалось на какие-нибудь работы и чистку коней, уборку «района» или собраниям. Часов в 8 – ужин. После ужина 2 часа самоподготовки. Приближается счастливое время – ночь, страшно хочется спать. Перед сном – вечерняя проверка, команда «отбой». Тут опять спешка, все должны как можно скорее раздеться и лечь. Кто задержится, тому предстоит присоединиться к моющим полы или в лучшем случае «потренироваться», т.е. раз 5 полностью одеться и раздеться. Мы все несколько переутомлены, что стоит только лечь, как моментально засыпаешь. Но и тут иногда не дают покоя: неверно сложено обмундирование, не снял с себя теплое белье или укрылся бушлатом (а одно время, когда было испорчено паровое отопление, было очень холодно) – «подъем и тренировка» или мытье пола.

Когда у нас были кони, которых, к счастью, хватало только на взвод в батарее и за которыми взвода по очереди ухаживали по месяцу, распорядка дня немного менялся, и работой нам прибавлялось во много раз больше. Утром вместо физзарядки – чистка,

кормление и водопой, в обед и вечером опять кормление и водопой. Кроме этого, частые выводки, из которых кони всегда признавались грязными, а главное, подготовка к этим выводкам: чистка тогда производится целый день, кроме занятий, а иногда и на занятиях конным делом. Часто чистка и мытье коней перед выводкой производилась ночью. Ездить верхом нас почти совсем не учили, и любви к конному делу не привили.

Теперь немного слов о питании. Кормили нас 3 раза в день. Хлеба всего получали 700 г., сахару 35, масла 50 г. Утром на завтрак обычно был суп, хлеб, масло и чай с сахаром. Обед состоял из 3-х блюд. На первое суп, на второе: каша (рисовая, гречневая), макароны, лапша или картошка с мясом, на третье – компот. Суп, как на обед так и на завтрак, был большей частью мясной, иногда рыбный с лапшой, макаронами, рисом или другой крупой. На ужин обычно была «картошка в мундире» или иначе «картошка в обмотках» и рыба, селедка или кета, хлеб, чай с сахаром и иногда масло. В общем, нас кормили вкусно, довольно жирно и питательно, но при наших усиленных занятиях, которые к тому же большей частью проводились на морозе, большой физической нагрузке и нашем молодом возрасте, нам этого не хватало, и мы всегда были очень голодны. В связи с этим за едой во время дележки пищи очень часто происходили споры: голодные люди становились очень мелочными, а находились всегда очень нахальные, бравшие себе больше! Наряд на кухне считался у нас самым лучшим, хотя там приходилось и мне работать, но зато можно было и поесть. Наедались же некоторые, попадая на кухню, прямо невообразимо, за 5-10 человек, а потом, конечно, болели. По той же причине все всегда стремились попасть заготовщиками завтрака, обеда и ужина.

Одеты мы были (хотя только через месяц после прибытия в училище) сравнительно неплохо, и у большинства были сапоги, а не ботинки, но для сибирских морозов слишком легко. Особенно мерзли ноги: вечно мокрые сапоги и 2 тонких портянки, которые можно было сушить только между простыней и матрацем, т.к. сушилок не было. Не очень предохраняли от холода и короткие бушлаты.

Остановлюсь теперь на своих товарищах. Наш дивизион состоял целиком из прибывших из Сталинского пехотного училища, и в большинстве Больше-Янисольским РВК⁴ и приехавших вместе со мной из Донбасса. В основном тут были 18-ти (реже 19-ти)-летние юноши с 7 и 10 классами образования, но были и с низшим образованием и с незаконченным высшим. Большинство было из рабочих, меньше из крестьян и совсем мало из интеллигенции. Я ни с кем из товарищей не дружил, только с Сергеем Потаповым, Изей Эйдельманом и любителем математики Борисом Ярошевским был в более близких отношениях, т.к. у меня с ними было хоть немного общего. С остальными товарищами я был в основном в хороших отношениях, но некоторые меня не любили. Например, был в нашем взводе курсант Загороднюк, который вел себя как шаловливый, зловредный школьник. Он получал много взысканий, часто мыл полы, но это его не исправляло. Он надоедал многим, а в особенности, мне своим стремлением задеть, толкнуть, особенно, в строю и на занятиях, подразнить. Слова на него не действовали, а воздействовать на него физически было нельзя из-за дисциплины. Однажды на уроке топографии, когда Загороднюк опять с чем-то приставал ко мне, я не выдержал и оттолкнул его, за это мы оба вечером мыли пол. Жаловаться же на него было как-то неудобно.

Наши ближайшие командиры: командиры отделения, компомвзвода и старшина были назначены из нашей среды и сначала несколько раз менялись в поисках более требовательных. Но их так и не нашли: комотделений у нас почти не имели значения и взыскания никогда не накладывали. Помокомвзвода, бывший у нас сперва ком. отд., был довольно требовательный и наряды давал не стесняясь. Но особенно отличались наши старшины. Первый кадровый старшина был вскоре отправлен на фронт, а после него сменились еще 2 из нашего взвода. Один был осужден и отправлен на фронт за то, что

⁴ РВК – районный военный комиссариат, райвоенкомат (призывной пункт).

избил одного курсанта прикладом. Другие были немного лучше. 4-й старшина Пшеничников пробыл у нее до выпуска. Раньше он был ком. пом. нашего взвода, но выделялся благодаря умению кричать и требовать. Наибольшее количество взысканий мы получали от него. Командиры отделений, компомвзвода занимались, а потом сдавали экзамены наравне со всеми. Старшина, конечно, за своими делами редко присутствовал на занятиях и к тому же был не очень способен, и его с трудом, на посредственно, выпустили мл. лейтенантом.

Комвзвода был у нас мл. лейтенант Лобов, недавно окончивший Томское артиллерийское училище. Знаниями по артиллерии он не отличался, но и занимался он с нами только огневой частью, строевой и уставами. Последние же 2 предмета обычно проводил помкомвзвода. Потом комвзвода стал поводить у нас «арттренаж». Он считался в дивизионе одним из лучших комвзводов, но я его очень мало знал, т.к. он был с нами неразговорчив, вообще редко и мало бывал с нами.

Командиров нашей 12-й батареи у нас сменилось 2 или 3. Последний был ст. лейтенант Бабич. Довольно веселый и справедливый командир.

Командир нашего 4-го дивизиона был майор Бем, немецкого происхождения. Он был очень строг, и все его очень боялись, и называли «блеск стекло и звон шпор» за его пенсне, шпоры и настоящую офицерскую выправку. Он, правда, очень был похож на немецкого офицера. Начальника училища я видел очень редко. Сначала был начальником училища полковник, потом генерал-майор. Фамилии я их не помню. Из наших преподавателей я запомнил только преподавателей топографии лейтенанта Куксу и преподавателя артиллерии ..... единственно симпатичные и веселые люди.

Жизнь в училище, в особенности в начале, была очень трудна. Сильное постоянное переутомление, постоянное состояние напряжения и к тому же тяжесть разлуки с родными – все это настолько было тяжело для меня, что я одно время хотел, чтобы меня отправили куда-нибудь из училища, как отправили нескольких недисциплинированных и неспособных курсантов (Орял, Коломиец и др.), а также завидовал тем, кто был болен и мог хоть немного отдохнуть в госпитале. Под влиянием всех этих трудностей и отчасти из-за нелюбви к военному делу, я почти совсем не занимался, был невнимательным и часто дремал на уроках, а в особенности на самоподготовке. Успеваемость, конечно, у меня была довольно низкая. Однажды меня даже вызывали на беседу как отстающего. Немного больше остальных предметов меня интересовала артиллерия и особенно топография, как связанная с математикой.

В общем, при окончании училища мои выпускные оценки были «хорошо», меньше «посредственно» и никогда «отлично».

Несмотря на большую перегрузку занятиями, я все же всегда старался найти время, чтобы почитать художественную литературу или заняться математикой (решал задачи и начал изучать «Введение в аналитическую геометрию»), а потом достал несколько французских и даже английских брошюр – это было мое единственное развлечение и отвлечение от тяжелой действительности.

Если подвести итоги жизни и обучения в училище, то положительного будет довольно мало. Но это и понятно: во-первых, училище эвакуировалось из Днепропетровска в Томск и очень мало могло с собой оттуда взять, т.к. отступали из Днепропетровска с боями, во вторых, вообще военное положение нашей страны.

Положительным было то, что, несмотря на все трудности, нас все же снабжали, хотя и в ограниченном количестве, бумагой, учебниками, карандашами, приборами.

Кроме того, очень большое значение имело то, что в субботу и воскресенье бывало кино и очень часто нас водили в театр – это служило как бы разрядкой в нашей тяжелой напряженной жизни.

Отрицательных сторон было много: сильное переутомление и недосыпание, постоянный голод, который нас очень мучил, занятия на сильном морозе, которые, не

научив нас мерзнуть, на научили и проходимому на них, нечуткое отношение к нам командиров.

Впечатление о времени пребывания в училище навсегда останутся очень неприятными.

10.05.42. Утром приехали на ст. Тайга, где за 3 р. прекрасно пообедали. Часа в 2 дня приехали в Новосибирск, где опять пообедали на вокзале, еще лучше, чем на ст. Тайга. В Новосибирске нам придется ждать, неизвестно сколько, и я решил съездить к Курбатовым. Выехал к ним только в 7 ч. вечера. Дома застал тетю Лидочку с внуками, потом пришел Ирочкин муж Сергей. Ирочка куда-то уехала и должна была вернуться только ночью. Мне очень обрадовались и были очень внимательны. Тетя Лидочка, несмотря на то, что мы долго не виделись, мало изменилась. Не дождавшись Ирочки, в 1 ч. ночи я на поезде выехал обратно. Сергей дал мне два «кубика», т.к. мы выехали из училища, даже не получив знаков различия, а он был ст. лейтенант, хотя работал и не в армии.

11.05.42. Т.к. наш отъезд задерживается, в 1 ч. дня снова поехал на ст. Кривошеково к Ирочке. Застал всех в сборе. Очень были рады. Устроили угощение, даже была водка. Ночевать остался у них. Всегда буду вспоминать, как меня здесь принимали почти как дома: такая любовь и внимание, а кроме того, такие замечательные, симпатичные дети. Это все мне было особенно дорого, т.к. я уже 10 мес. как был лишен всякого внимания, забот и чуткого отношения и домашнего уюта.

12.05.42. Хотел проверить, не проедут ли на 7-ч. поезде из Новосибирска мои товарищи, но опоздал. Поехал в Новосибирск – там их тоже не нашел, оказалось, они уехали с эшелоном. С помощью военного коменданта сел на медэшелон и стал догонять свою команду. В эшелоне были очень внимательны и даже угощали, что было как раз кстати, т.к. свои продукты я оставил товарищам, и они их, конечно, увезли с собой. Мне удивительно повезло: на ст. Барабанек встретил одного из команды. Оказалось, эшелон, на котором они уехали, стоит здесь Перешли к своим. Вещи все целы, за исключением ½ буханки хлеба, исчезнувшей неизвестно куда.

13.05.42. Завтракали в Омске, пообедали в Петропавловске. Едем дальше.

14.05.42. В 4 ч. утра пообедали на ст. Курган. В 3 ч. дня приехали в Шадринск. Долго стояли. Купил ½ литра молока за 13 р.

15.05.42. В 5 ч. утра – Свердловск. Обедали 2 раза и получили по ½ булки. Обошел город, был в геологическом музее, в кино («Маскарад»). Потом получил опять обед, который наши «старшие» умеют доставать всеми правдами и неправдами по 3 вместо 1.

16.5.42. Были в бане, которая оказалась очень хорошей. Ходил опять по городу, он, в основном, новый и довольно красивый. Обедали 2 раза и получили по ½ хлеба.

17.05.42. Спали как вчера в зале ожидания для военнослужащих. Жарко, накурено. Приехали другие команды из нашего училища. Видел Вову Прошелева.

18.05.42. Рано утром влезли в вагон. Обедали в вагоне-ресторане. По дороге обменял кусок мыла на ½ молока.

19.05.42. Обедали опять в вагоне-ресторане, здесь кормят исключительно пшеницей. Обменял за ½ молока еще кусок мыла. Съел последний хлеб, т.к. полученный сегодня в

Перми разделили на всех или кто-нибудь сташил. На ст. за 55 коп. пообедал: суп-вода и 100 г. хлеба. Пересели на другой поезд.

20.05.42. За 5 р. пообедал пшеницей в вагоне-ресторане. За 55 коп. обедал на станции и пил молоко (1/2 л. – 10 р.) с полученным хлебом.

21.05.42. Рано утром приехали в Ярославль – наш конечный пункт. Обедали на вокзале в винной столовой. 2 раза были в бане. Ужинали в комсоставской столовой в городе. Был в кино. Город красивый и чистый. Та часть, в которую мы прибыли, здесь никогда не была, через военком посылаем телеграмму в Москву, т.к. никто не знает, куда нас девать.

22.05.42. Спали в комнате для проезжающих в/с, на нарах, но хорошо отдохнули, т.к. первый раз за это время спали раздевшись. Обедать не пришлось, т.к. старшина, у которого были талоны на обед, напился, устроил в ресторане скандал и был задержан комендатурой. До ужина – в читальне на бульваре, после – «Вильгельм Телль» в театре. Кормят в этой столовой плохо – одна капуста и вода.

24.05.42. Не выдержав «комсоставского» питания в 1 ч ночи пообедали в военной столовой на станции, что не так-то просто. У меня еще осталось 37- р., то много, у других уже ничего нет. Сегодня на завтра в комсоставской столовой был суп с капустой, т.е. вода с капустой, пшеничная каша, чай и 2 конфеты и 200 г. хлеба – все это 2 р. и талон. Пришлось выбраться из общежития, т.к. она для приезжих. Перешли на пересыльный пункт. Вечером был в театре им. Волкова, смотрел «Маскарад».

25.05.42. Спали на койках с матрацами, но по-двое. Был в городской библиотеке, читал Макаренко. В кино – «Дело Артамоновых». Ужинали без хлеба, т.к. пропало?! 3 молока.

26.05.42. Целый день в библиотеке ДКА.

27.05.42. Был в городской библиотеке. Получили ответ из Москвы. Вызывают туда. Получили сухой паек и по 10 р. командировочных. Ходил в кино. Перебрались на станцию, где удалось поесть.

28.5.42. В 2 ч. ночи, как думали, уехать не удалось. Пообедали. Получили еще сухой паек, причем вместо сахара – глюкоза. Был опять днем библиотеке. Ночью снова пообедали и взяли билет.

29.05.42. Утром выехали в Москву. В 4 ч дня были уже там. 2 раза очень хорошо покушали в столовой. Вечером я поехал к тете Зиночке. Раньше не мог., т.к. никак не могли договориться о завтрашней встрече. Остальные пошли на вокзал. К тете Зиночке я пришел совсем неожиданно, т.к. я ей за это все время ни разу и не писал. Застал всех дома: тетю Зиночку, Шурика и Сергея Александровича, а Лидия Карловна, оказывается, умерла зимой.⁵ Уже собирались ложиться спать, когда я пришел. Как мне были рады, как будто я попал домой. Ночевать остался, конечно, у них.

30.05.42. Получил сухой паек: хлеб, булку, конфеты и по 30 р. Ходили в ГУКАКА.⁶ Там один из товарищей украл мои продукты. Когда мы были в столовой, я обнаружил

⁵ Зинаида Владимировна Белановская (Кожевина) (1894 – 1978) – моя бабушка, Сергей Александрович Белановский (1884 – 1968) – муж З.В.Белановской и мой дед, Шурик – Александр Сергеевич Белановский (р. 1928) – мой отец, Лидия Карловна Белановская (Шварцбах) – моя прабабушка, мать С.А.Белановского (Д.Б.).

⁶ ГУКАКА – Главное управление командующего артиллерии Красной армии.

укравшего, но по совету товарищей не стал его тут же разоблачать. После этого опять пошел к тете Зиночке. Завтра, вероятно, уедем.

31.05.42. Когда собралась вся наша команда, я предложил сделать обыск в вещах у всех, чтобы найти мои продукты, хотя могло быть уже и поздно. Все согласились. Я осмотрел несколько мешков и потом стал осматривать вещи у обнаруженного мною ранее вора. Хлеб и булку я нашел, а конфеты он уже съел. Я их, конечно, отобрал, но сначала тот пробовал было протестовать. Я сказал ему, конечно, несколько слов, но остальные были только молчаливыми свидетелями. Пообедали на вокзале и в 16.50 выехали из Москвы.

Июнь

1.06.42. В 1-м ч. ночи вышли на вокзале в Коломне. Там же и переночевали. Получили сухой паек: хлеб, сельди и сахар. Здесь мы разделились, т.к. имели 2 направления. Нас 7 чел.: я, Потапов, Жилин, Ловейко, Валицкий, Тарануха и Хулис на машине поехали через Торжок на ст. Старица. Вечером приехали в местечко Старица и остались ночевать.

2.06.42. Ночевали в пустой хате. Утром на машине поехали на станцию. Оказалось, что опоздали на 1 день, та часть, куда нас командировали куда-то, выехала. Доели все свои продукты и направились обратно в Торжок.

3.06.42. Ночевал в одной деревне. К 12 ч. дня, голодные и уставшие, частью пешком, частью на машинах – добрались до Торжка. Здесь поели сразу за 2 дня -4 раза. Устроились в литпункте. Играл немного на рояле.

4.06.42. Спали хорошо. Одолжил Потапову уже 80 р., т.к. тот остался без копейки. После 3-х завтраков отправились в Кувшиново – в штаб фронта. Там пообедали и поехали дальше. Встретили другую команду из ДКАУ.⁷ Получили новое направление и вернулись в Кувшиново.

5.06.42. Пытались сесть на машину, чтобы ехать дальше, но не удалось, уехали только двое вместе с «командировочной» по продаттестату. Получили сухой паек и обед.

6.06.42. Наконец удалось сесть в попутную машину, выехали в 3 ч. дня.

7.06.42. Ночевали в машине. В 6 ч. утра приехали в Осташково, там разыскали уехавших вперед товарищей. Они получили для нас там сухой паек. Погода плохая, дождь холодный. Дорога ужасная: непролазная грязь, благодаря дождю и сотням проезжающих машин. В 3 ч. дня выехали дальше.

8.06.42. К 6 ч. утра приехали в Андринополь, который почти совсем разбит. Получили сухой паек: пшеница, рыбу, буллы хлеб и сахар. Сварили кашу без соли, т.к. на складе ее не было.

9.06.42. Удалось сесть в машину только втроем. Приехали в Торпец. Обедать здесь нам не удалось. Остались ночевать.

⁷ ДКАУ – Днепропетровское конное артиллерийское училище (Томск).

10.06.42. Удалось достать завтрак и хлеб. Вскоре приехали остальные товарищи. Вместе с нами пообедали и поехали дальше. Вечером приехали в старую Торопу. Достал 1 л. молока за махорку. Остались ночевать.

11.06.42. Едем дальше. Пообедали в Демидово.

12.06.42. Ночевали в Огрызково в клубе. Выпил $\frac{1}{2}$ л. молока за 10 р. Идем дальше пешком. К вечеру пришли на место назначения и получили сухой паек. Мы попали в «роту резерва начсостава».

13.06.42. Кормя здесь неважно – 2 раза и 700 г. хлеба. Дают еще сахар, жира и махорку. Удалось наконец помыться с бане. Написал открытку тете Зиночке.

14.06.42. С нами начали проводить занятия, но это только для виду. С питанием теперь стало лучше, т.к. нас подкармливает хозяйка – картошкой и молоком. Написал письмо Ирочке.

15.06.42. Ночью 4 часа патрулировал по деревне. Выстирал белье, что для меня большое событие. Написал письмо к Гришиным знакомым, хочу его найти.

16.06.42. После занятий было кино. Хоть небольшое развлечение.

18.06.42. Идет дождь. Нас перевели в другую деревню. Получили сухой пакет. Заплатили хозяйке 100 р.

19.06.42. Ночевали в одной деревне. Хозяйка нас даже покормила. К 10 ч. утра пришли в назначенную деревню.

20.06.42. Дождь. Продукты получили плохие: сухари, консервы и мыло. Пошел с Потаповым за несколько км. в другое село за продуктами. Обменяли махорку (2 ст.) на ведро картошки и одна хозяйка даром дала молоко. Очень вымокли. Узнали, что завтра нас всех будут отправлять в другую часть.

21.06.42. Получили сухой паек и пошли пешком в другую деревню в штаб армии. Мы впятером в одно место. Потапов – в другое. Тарануха же где-то отстал еще позавчера, и его куда не направили. Ехали машиной. Остановились в одной деревне.

22.06.42. Под дождем пешком добрались до места назначения – 37 мм. бывшая зенитная, ныне противотанковая батарея. Она находится при КУКСе⁸ и занимается переквалификацией расчетов с зенитчиков на противотанкистов. Не слишком приятное место службы, но все же лучше, чем болтаться совсем без места. Нам нигде не доверяют, как только что окончившим училище и еще не служившим на командных должностях и поэтому не знают, куда деть. Мы, 3 человека, поместились у комбата⁹, пожилого капитана.

23.06.42. Начались с нами занятия. Изучаем 31 мм. пушки т.д. Питание здесь хорошее. Очень мучают комары.

⁸ КУКС – курсы усовершенствования командного состава.

⁹ Комбат – *здесь*: командир артиллерийской батареи.

24.06.42. Целый день занятия. Потом лекция о международном положении. Вечером читал.

25.06.42. До обеда были занятия. Потом была гроза и я читал. Был в бане.

27.06.42. Проводил первый раз занятия. Начал переписывать свой «дневник». Опять мылся в бане.

28.06.42. Завтрак проспали и только чай с хлебом и печеньем. Вызывают в штаб для перевода в другую часть. Получив ужин, пошли с вещами в штаб в другую деревню. Получили там все пятеро одно назначение и поздно вечером, прибыли на место – 159-й ЗСП.¹⁰

29.06.42. Сразу начались командирские занятия. Мы находимся в артдивизионе. Армейские занятия стрелкового полка.

30.06.42. Вчера вечером получили сухой паек и готовили сами, т.к. кухни еще нет. Нас распределили по батареям. Я попал в одну с Хулисом и очень рад, т.к. с остальными я часто ссорился. Покупал только 10 р. литр. А теперь меняю табак на молоко, пачка 200 грамм – 3 литра.

Июль

1.07.42. Сегодня начал проводить занятия со своим взводом. Мы, командиры, живем в доме, солдаты – в сарае.

2.07.42. Договорился получать молоко – за 50 р. будут приносить 4 л.

3.07.42. Ходил в штаб полка, в финчасть, в другую деревню, за 4-5 км., но денег не получил.

4-5.07.42. В наряде, дежурным по дивизиону. Ночью ездил через лес верхом в штаб полка с докладом и за пропуском.

6.07.42. Был опять в финчасти. Получил 450 р. У меня оставалось 50. В сентябре купил брючный ремень, зубную щетку и носовой платок. Питание в этом полку неплохое: пища простая, но сытная.

7.07.42. Утонул наш санинструктор. Он ехал на лодке. С лодки один боец нырнул, лодка качнулась и он (санинструктор) выпал из нее. Долго искали, но не нашли.

8.07.42. Снова безрезультатно искали утопленника. Обменял свою гимнастерку на новую.

9.07.42. Ночью была тревога.

9-10.07.42. В наряде. Опять ночью ездил в штаб полка. Читаю Данилевского.

---

¹⁰ ЗСП – запасной стрелковый полк.

- 11.07.42.** Вечером на собрании в полку. Страшная гроза настигла нас на обратном пути. Вымокли насквозь.
- 12.07.42.** Опять ходили в полк. Ходил в чужом обмундировании, т.к. мое не просохло.
- 13.07.42.** Вечером смотрели кино.
- 15.07.42.** Военторг продал нам по 3 кг. творогу
- 16.07.42.** Выступили на другое место.
- 17.07.42.** Ночевали в лесу. Пришли в Старую Торогу. Остановились в лесу.
- 18.07.42.** Работаем в другой деревне, устраиваем открытые огневые позиции.
- 21.07.42.** Ночью, промокшие, вернулись в лагерь. Там для жилья устроены палатки-шалаша из жердей, веток.
- 23.07.42.** Организовалась офицерская столовая. Взяли по 100 р. за дополнительные продукты вперед. Я заплатил и за Хулиса, у которого не было денег. Заступил в наряд.
- 25.07.42.** Начались занятия. Проводил 6 часов.
- 27.07.42.** Получил деньги. 400 р. оставил, а 600 р. послал тете Зиночке.
- 28-29.07.42.** Опять дежурил. Много съели черники. Продают ее прямо в лесу по 6 р. стакан А денег у нас некуда девать.
- 30-31.07.42.** Ночью в наряде. Совсем забыл, что 28 я был именинник.

Август

- 1.08.42.** 1.Погода совсем испортилась. Холодно, дождь. Хорошо, что я променял свою тонкую английскую шинель на простую солдатскую.
2.Купил на 60р. (6 стаканов) малины. Приехал Хулис. Он отвозил людей в РС (*неразб.*) артиллерию. Мы, приехавшие из училища, чувствуем себя здесь неловко: большинство солдат и офицеров были в боях, ранены – а мы еще и врача не видали.
- 4.08.42.** Ночью 4 ч. патрулировал. Набрали с другим «патрулем» грибов.
- 7.08.42.** Купили коллективно 5 кг. мяса и зажарили. Узнал, что скоро меня откомандируют из полка.
- 8.08.42.** Сегодня мне выписали документы в отдел кадров.
- 9.08.42.** Получил сухой паек. Выменял еще сухарей за махорку.
- 10.08.42.** Вместе с одним капитаном вышел в отдел кадров. Вечером прибыли на место.

11.08.42. Переночевав и получив назначение, направился дальше. Вечером пешком и на машине добрался до штаба 332 стрелковой дивизии.

12.08.42. Получил назначение в 891-й артполк. Перешел по мосту через Западную Двину и пришел в деревню Додоны, где находился штаб полка. На передовой довольно спокойно, но все же здесь уже чувствуется фронт. Слышна частая пулеметная стрельба. Изредка слышны орудийные выстрелы или разрывы снарядов.

13.08.42. Утром был у командира полка. Потом узнал, что меня назначили комвзвода разведки штабной батареи, я хотел – командиром огневого взвода – как более знакомое, но пришлось подчиниться. Пошел в штабную батарею, которая была рядом. Оттуда один боец проводил меня к командиру батареи на КП,¹¹ который находится в 2 – 2,5 км. от переднего края.

17.08.42. Несколько дней находился с комбатареи, «привлекал» к боевой обстановке. Сегодня с комбатареи пошел на ПНП (передовой наблюдательный пункт), где мне положено находиться вместе с несколькими моими разведчиками и телефонистами. Остальные мои разведчики – посыльные, ординарцы и т.д. На ПНП продвигались сначала траншеей, потом перебежчиками и ползком, т.к. несколько пуль пропело недалеко по нашему адресу. Мой ПНП находится на чердаке одного из немногих домов деревни Ночевки недалеко от г. Велижа. Хотя это и не по правилам, но приходится наблюдать из него, т.к. с земли ничего не видно. На чердаке в крыше сделаны щели-амбразуры, кругом обложенные кирпичом – довольно слабой защитой от пуль. Наблюдаем в бинокль. О всем замеченном записываем и передаем по телефону в штаб полка. Живем мы в землянке, устроенной под полом дома, на котором навалены бревна и кирпич – укрытие очень ненадежное. Продукты получаем сухими и пищу варим тут же, но только в темное время, чтобы не был виден дым. Дополнительно берем картошку с брошенных огородов, что является опасным делом. Первые пули и снаряды меня не очень испугали. Конечно, все это было непривычно, напрягало нервы, но все же страха, из-за которого можно потерять самообладание, побежать или сделать какую-нибудь глупость, я не почувствовал даже первый раз.

20.08.42. 19 вечером наши начали наступать на одну деревню Саксоны, которая была крупным опорным пунктом немцев и удобным возвышенном местом, откуда просматривался и пристреливался большой участок нашей обороны и подступа к нему. Была сильная артиллерийская подготовка, даже «играли катюши», работу которых я впервые с интересом наблюдал. В наступлении участвовали даже 2 наших танка. Вскоре Саксоны были взяты. Наши взяли много трофеев, в том числе и водку. Сегодня утром мои разведчики по указанию комбат также ходили туда за трофеями – имуществом связи. Вскоре после их возвращения немцы пошли в контрнаступление. Артподготовка была не хуже нашей. Наша пехота, напившаяся с вечера, охраны почти не имела и была почти вся перебита и взята в плен, пропало и одно орудие. Не помогла нашей пехоте и артиллерия и даже «Катюши», которые открыли было сильный огонь. Саксоны остались в руках немцев, много солдат по своей глупости погибло. Мне удалось наблюдать этот первый бой, хотя я и не был его непосредственным участником, с начала и до конца. Саксоны от моего ОКП¹² не дальше 1000 м., и с чердака в бинокль мне все было прекрасно видно. Видел я и танк, который пришел с немцами в Саксоны и повернул было орудие на мой дом, но, так и не выстрелив, ушел.

Начали давать водку по 100 гр.

¹¹ КП – командный пункт.

¹² ОКП – основной командный пункт.

25.08.42. Сегодня говорил по телефону с Сергеем Потаповым. Он, оказывается, тоже в этом полку, комвзвода управления. Читаю Лермонтова «Герой нашего времени».

29.08.42. Получил ответ от Хулиса с письмом от тети Зиночки.

31.08.42. Виделся с Потаповым. Очень похолодало. Мой ПНП уже в другом месте, т.к. старый разбит. Однажды я стоял в доме у окна, а разведчик наблюдал с чердака – вдруг вой снаряда и разрыв недалеко от дома. Т.к. это было уже не впервые, я думал, что этим и ограничится, но за первым снарядом стали прилетать и другие, причем нас стали брать в «вилку». Разведчик кубарем слетел с чердака, забыв там даже бинокль. Я приказал всем спускаться в землянку. Снаряды стали попадать в дом и, когда я прыгал в укрытие последним (командиру ведь неудобно прятаться раньше подчиненных), на голову мне посыпались щепки от стены разбитой очередным снарядом. В землянке было полно толового дыма от снарядов, противный тошнотворный запах, и вообще наша землянка не представляла собой достаточного прочного укрытия, а немцы видно решили разбить наш дом, поэтому я приказал уходить из землянки в траншею, проходящую по всей деревне. Хорошо, что мы заранее соединили нашу землянку с этой траншеей. Тут уж мне пришлось быть поневоле первым, т.к. я стоял у выхода. Я выбежал в траншею и, отбежав метров на 60, переждал обстрел. Всего было выпущено снарядов 40. Когда я пришел обратно к ПНП, то там оказалось еще не все разрушенным и разведчик нашел даже в исправности свой бинокль. Землянка наша была в углу пробита снарядом. Хорошо, что мои оттуда вовремя ушли. Забрали свои вещи и перешли временно в землянку пехотинцев. На другой день мы нашли себе свободную землянку. Рядом есть дом, откуда можно наблюдать, но значительно хуже. Через час после первого обстрела начался второй. Тоже было выпущено снарядов 40. Дом на этот раз был окончательно разбит.

Сентябрь

5.09.42. Получил письмо от тети Зиночки. Меня направили в дивизионный дом отдыха на 5 дней.

7.09.42. Отдыхаю, читаю, скучаю. Приехал в дом отдыха и Потапов.

11.09.42. Вчера вечером ушли из дома отдыха. Переночевали в одной деревне и днем были уже на месте.

14.09.42. Стало очень холодно. Получил письмо от Зины и Шурика.

19.09.42. На соседнем участке немцы пытались наступать, много стреляли, но безрезультатно.

24.09.42. Меня из батареи разведки перевели в формируемый 3-й батальон, 8-ю батарею, КВУ - командиром взвода управления.

24.07.45, с. Чапаевка

Октябрь-ноябрь

Почти 20 дней пробыли на «формировке» за 12 км. от передовой. Весь состав нашего 5 дивизиона – собран в нашем полку. В это время усиленно занимались. Комбат – ст. л-нт (к-н) Бураков – довольно грубый и неприятный человек. Комиссар, политрук, а вскоре (по указу) зам. по политчасти. Один ком. огневого взвода – ст. л-нт Вороханов – очень симпатичный человек, и я с ним сразу подружился. Были еще 2 средних командиров батареи: зам. комбат и ком. 2-го огневого взвода, который несколько раз сменяли. Командиром нашего дивизиона был властный, самоуверенный капитан (а потом майор) Еременко (кажется, моего возраста). После формирования наша батарея заняла ОП¹³ другой батареи, переведенной на новое место. НП¹⁴ и ПНП тоже были уже оборудованы. 13 октября я уже снова был на передовой. Мой ПНП был на этот раз на елке, в 500 м. от переднего края. Рядом с елкой была маленькая землянка, со мной было 2 телефониста и 2 разведчика. Наблюдение было отсюда очень плохое, но другого места найти здесь было негде. Жил я здесь более или менее спокойно. Письма получал только от тети Зиновки. Иногда от КВУ вызывали на занятия.

Декабрь

Мне приказали перевести ПНП на самую передовую, в боевой порядок стрелковой роты. Выбрал один незаконченный пулеметный окоп для устройства (*неразб.*) и земляки и НП вместе. Несколько ночей расширяли и углубляли окоп, т.к. грунт – мерзлая глина, которую можно только отбивать ломом. В лесу заготовили бревно для наката и ночью привезли на повозке. Это было очень опасно, т.к. немцы часто бросали ракеты, а к тому же могли услышать и шум, т.к. ПНП не далее 700 м. от их переднего края. С большим трудом кое-как оборудовали наш ПНП, зато наблюдение отсюда хорошее. С питанием, и печку можно было топить только в темноте и тумане. Оттого, что мы топим печку, стала оттаивать земля на стенках и осыпаться, а с потока из оттаявшей земли стала литься на голову вода, так что пришлось над головой повесить плащ-палатки.

Еще с начала декабря началась подготовка к какому-то наступлению. Мне пришлось заняться устройством на самом переднем крае дзота для нашей 127-мм гаубицы. Работа эта, конечно, выполнялась ночью под почти непрерывным пулеметным бесприцельным огнем, который немцы ведут непрерывно всю ночь по всему фронту. Наступление началось часов в 12 дня 20 декабря. Цель наступления – опять те же высоты, которые были так неудачно взяты нами в августе. Основные силы для наступления – 39-я и 40-я ш.р.¹⁵ и батальон из нашей дивизии при поддержке артиллерии нашей дивизии. Я с одним разведчиком и двумя телефонистами должен был находиться с командиром ш.р. поддерживать его артиллерией нашего дивизиона, а те и наша вызывать огонь по целям,

¹³ ОП – огневая позиция.

¹⁴ НП – наблюдательный пункт.

¹⁵ Ш.р. – штрафная рота.

корректировать его. Когда мы, все в белых маск. костюмах, стали продвигаться на исходный рубеж – началась уже артподготовка. Шли мы лесом, который был уже на «нейтральной зоне». Вскоре противник что-то заметил и стал усиленно простреливать лес из пулеметов, минометов и артиллерии. Исходный рубеж, на котором мы залегли, проходил в молодом сосновом лесочке. Связи к этому времени не была еще налажена: по радио никак не могли связаться, а телефонная линия была порвана, где-то в тылу. Вскоре пехоту подняли в атаку, раздались нестройные «ура». После этого огонь противника не то что усилился, а сделался как бы сплошным: пули и осколки летели как дождь или град. Причем обстреливали нас с трех сторон. Несмотря на сильный огонь, я решил продвигаться вперед, т.к. отсюда ничего не было видно, да и командир роты, вероятно, продвинулся несколько вперед. Я велел ползти вперед моим бойцам и пополз сам, но сразу почувствовал, будто у меня взорвалась шея. Я был ранен. Я сорвал с себя маск. костюм, снял шинель, и попросил одного бойца перевязать меня. У того не оказалось бинта. Тогда я достал из кармана шинели индивидуальный пакет, и меня наконец перевязали. Ползти вперед я уже не мог, т.к. руки почему-то сразу очень ослабели, да и было некуда, т.к. пехота наша залегла, а немцы продолжали вести по ней ураганный огонь. Ранен я был примерно в 4 ч. дня. Часа 2 я пролежал еще на месте. Связь кое-как была установлена. На моих глазах тут был убит один радист – Иванов. Пуля попала ему в живот, когда он настраивал рацию. Он сразу выругался, упал и вскоре умер. Начальник разведки нашего полка велел мне идти на перевязочный пункт. Меня проводить пошел один мой боец – Иванов, награжденный впоследствии за это медалью «за отвагу». Обстрел все продолжался. Наша артиллерия отвечала. По дороге в санроту шло много легко раненых, много везли их и на «волокушах». В санроте – в 3 км. от места боя меня перевязали и на санках отправили дальше в тыл. В наступление я пошел довольно легко одетым, а потом долго лежал на мокром снегу, т.ч. я стал замерзать и очень был рад выпить кружку горячего чая на другом санпункте. Ночью приехал в санбатальон. Здесь мне вскоре сделали операцию. Рассекли под местным наркозом рану от входного до выходного отверстия. Рана получилась очень большая, не менее 12 x 4 см. Нельзя сказать, чтоб она у меня нестерпимо болела, но голову долго нельзя было поворачивать, и целое событие было повернуться самому с боку на бок, и то, поддерживая голову рукой. Из санбата 24.12 меня направили в ГЛР¹⁶ в д. Княжье (?), недалеко от м. Кресты. Там я узнал, что наступление наше кончилось ничем, из ш.р. живых и раненых после боя вернулось 10%. Особенно большие потери были среди командиров. Я раньше, конечно, думал о наступлении, о том, как я себя буду вести, о том, что я могу быть ранен, – но все это произошло куда более естественно и просто, чем я думал. Я не испытывал страха, когда шел в наступление, об этом говорит, конечно, и то, что было неудобно оставаться сзади. Ничего странного не случилось и тогда, когда меня ранило, не было даже очень больно. Со стороны все это кажется куда страшнее. Когда же я, раненный, шел в санчасть, то стал почему-то куда более дорожить своей жизнью, и, несмотря на ранение, несколько раз падал, когда обстрел возобновлялся с прежней силой.

¹⁶ ГЛР – госпиталь для легкораненых.

1943 год

Январь

В госпитале я неплохо проводил время: много читал, занимался даже математикой и отдыхал от тяжелой фронтальной жизни. Питание здесь было неплохое, к тому же выдавался нам и дополнительный паек (масло, консервы, печенье), т.к. мы находились при действующей армии. Зато было много других недостатков и неудобств, т.к. госпиталь был размещен в простых деревенских домах, вместо коек были нары, и к тому же была середина зимы. Новый год мы все же встретили, т.к. нам было выдано дополнительно: масло, колбаса, мед, варенье, печенье и по 100 г. водки.

Февраль

11 февраля меня выписали из госпиталя. Рана моя уже совсем затянулась, хотя я пробыл в госпитале месяц и 20 дней. Мне выдали направление в ОК 4УА¹⁷ и на 1 день продуктов. Погода была очень холодная с ветром и снегом, и я очень промерз, пока дошел до Крестов, где и переночевал на «обогревательном пункте». На другой день ходил почти за 20 км. в ОК и опять устроился ночевать в Крестах При штабе армии я должен был получить продукты на дальнейший путь, но склады переезжали, мне ничего получить не удалось и пришлось голодать. На следующий день опять пешком пройдя 35 км., пришел обратно в свой полк, куда я попросил меня направить. Попал я опять в свою батарею и в свой взвод. Благодаря этому мне удалось забрать обратно свою любимую суму со всем содержимым и резиновую подушку, на которую уже нашлись хозяева. 19 февраля я был уже снова на ПНП, который теперь опять в Ночевке, в той землянке, где спрятался после разрушения моего первого НП на чердаке. Здесь теперь вместо роты стоит только взвод, траншеи засыпаны снегом. Мне, оказывается, довольно повезло: в мое отсутствие здесь было большое наступление на г. Велиж, причем тоже довольно неудачное, правда, небольшую часть города наши все же заняли. 26 февраля была начата большая перегруппировка, не знаю, с какой целью. Наша батарея (и весь полк) перешли километров за 20 на другую сторону Велижа и сменили там другой полк. Оборона здесь происходила по лесам и болотам, траншей сплошных не было, были отдельные «блокгаузы». Благодаря такой несплошной обороне к нам часто приходили партизаны, которых очень манили здесь немцы. Здесь мы пробыли дней 10 и мирно вернулись на старое место. Тут мне было присвоено звание «лейтенант».

Март - апрель

10 или 11 апреля получил первое письмо от дяди Коли.¹⁸ Он хочет устроить меня к себе в Академии. Это меня очень заинтересовало.

¹⁷ ОК 4УА – отдел кадров 4-й Ударной армии

¹⁸ Николай Владимирович Кожевин (1900 – 1976) – дядя Владимира, проживавший в Ленинграде, военный инженер.

Май

В мае стали усиленно ходить слухи об отводе нашей дивизии на формирование. Но одновременно было заметно, что на наш участок стягиваются силы будто для наступления. Говорили, что комдивизиона хочет в бою заслужить звания гвардейской и только тогда идти на формирование. Немцы тоже стали к чему-то готовиться и вели усиленную пристрелку нашей обороны, даже впервые было испробовано новое реактивное оружие «Скрипуха», при выстреле которой слышен только негромкий скрип. Наконец 30 мая, предупредив наше наступление, немцы сами в 4 ч. утра перешли в наступление. Я как раз играл в шахматы с телефонистом Абрамовичем, когда по соседнему селу и предместьям Велижа началась артподготовка. Был туман, и ничего не было видно, когда же туман рассеялся, то все равно я ничего не увидел, т.к. все было покрыто густым дымом, т.к. немцы много выпустили дымовых снарядов. Вскоре над домом стали подниматься немецкие ракеты, рассыпающиеся в воздухе на 6 частей. Вскоре к нам в траншею прибежал один боец, раненный в предплечье. Пока я его перевязывал, он рассказал, что произошло на соседнем участке, и я смог наконец дать сведения командиру батареи, который тотчас открыл огонь. Оказывается, немцы ночью прошли на стыке двух батальонов им в тыл, дали ракету, после которой началась артподготовка. После артподготовки немцы с фронта и с тыла атаковали батальон и 1 роту и уничтожили их. Ушло оттуда очень немного. Сделав прорыв в обороне, немцы стали продвигаться вперед, и я оказался в очень опасном положении, т.к. далеко оказался выдвинут вперед с 3-х сторон в 1 км. от меня были немцы. Хорошо, что у нас были подтянуты значительные силы – одна дивизия и корпусной артполк, который помогли сдержать немцев и стали пытаться восстановить линию фронта.

25.07.45

Июнь

Несколько дней шли упорные бои за занятый немцами участок и наконец ценой одного почти совсем разбитого полка положение было восстановлено. Ввиду опасности вторичного прорыва наша дивизия половину своего участка уступила и бывшей там дивизии, а сама уплотнилась влево. Я со своим ПНП тоже поэтому вынужден был перейти влево и устраиваться снова на дереве. В эти дни я получил еще 2 письма от дяди Коли, где он пишет о возможности перевода меня в академию. Перепробовал с полсотни деревьев и наконец устроил ПНП на высокой 15 м. елке. Жить устроились временно в землянке у минометчиков.

14 июня меня на ПНП сменил один командир огневого взвода, а меня вызывал к себе ком. бат. Оказалось, что прибыл один мл. л-нт, которому я должен сдать взвод, а сам отправляться в штаб артдивизии. 15 июня я сдал взвод и все имущество и 16 был уже в штабе артиллерии дивизии. Там меня назначили временно офицером связи, и я несколько дней и даже ночей ходил и ездил с приказаниями к комполка и комдивизионов, т.к. в это время как раз подготовлялась опять какое-то наступление. 19 июня меня с другим л-нтом Воробьевым направили в отдел кадров артиллерии 4 Уд. Арм. Там мне предложили адъютанта командира артполка, но я отказался, может быть, и напрасно. на другой день меня с группой других командиров направили в 159-й АЗСП,¹⁹ в резерв. Пробыли там

¹⁹ АЗСП – армейский запасной стрелковый полк.

несколько дней в общевоинском резерве, а потом нас привели в резерв при артдивизионе, в котором я был уже раньше. Я встретил здесь моих товарищей по училищу, тоже уже л-нтов, все они были на старом месте. С нами проводят формальные занятия, но присутствуют на них обычно не все. Покупаю молоко, которого давно уже не пил.

Июль

7 июля – вторая годовщина моего ухода из дома. В деревню пришла цыганка и многим гадала. Гадала и мне. Сказала, что мне нужно остерегаться какого-то бубнового короля, что получу неприятные вести о родных, что встреча с ними не предвидится, долго буду в армии, будет испуг и дальняя приятная дорога. Перешли жить в другую деревню. Жду писем из части и от родственников, т.к. уже 100 лет как я им написал.

12 июля узнал, что меня направляют в часть. 13-го вышли из запасного полка, окопались на ночь. 14 снова двинулись в путь. Идем сначала в ОК 4 УА. Очень удачно почти всю дорогу ехали на машинах. Прибыли вдвоем в ОКА²⁰ и ждем остальных 6 человек. На другой день, 15-го, пришлось возвращаться 10 км назад, т.к. ОКА ночью переехал в другую деревню. Получил назначение в 360 СД²¹ в 920 артполк. 18 июля, пройдя более 60 км., прибыл поздно вечером в 360 СД, страшно устал и в штаб уже не пошел. 19 июля был в штабе дивизии и там, несмотря на мои протесты, получил назначение в 45 мм. батарею, которое, конечно, мне было очень неприятно.

* * *

Нахожусь в резерве 1195 СП.²² Несколько дней бегаю по подразделениям и в шт. див. с приказами и донесениями, что очень утомительно. 26 июля послал рапорт командующему артиллерийской дивизии с просьбой использовать меня по специальности.

31 меня наконец отправили в 45 мм. батарею, где рассчитывали сформировать еще один взвод. Пока что обещают дать временно один расчет. Связь с родственниками еще не начал восстанавливать, т.к. положение мое еще не вполне определено, это меня очень беспокоит.

Август

4 августа написал наконец письмо дяде Коле и т. Зиночке.

10.08.43. Все по-старому. Развлекаюсь «живой математикой» Перельмана. Вечера провожу с другом комвзвода ст. л-нтом Волчковым, с которым я очень подружился. (Мы живем с ним в 300 м.)

17 получил допдаек и водку и устроили с Волковым общий ужин.

23 принял 45мм расчет, а 28 сдал, т.к. перехожу в 66 мм. полковую батарею.

²⁰ ОКА – отдел кадров артиллерии.

²¹ СД – стрелковая дивизия.

²² СП – стрелковый полк.

29 принял взвод и сразу с открытых ОП, где он стоял, перевел его на закрытую ОП. Это для меня несколько ново и интересно. Сегодня сапожник из 45 мм. бат. закончил перешивать мои сапоги. На вид получилось довольно хорошо. Продолжаю переписываться с дядей Колей и имею некоторые надежды.

Сентябрь

Живем хорошо. ОП в небольшом лесу. Землянка была уже сделана раньше, очень просторная и удобная. Часто ведем огонь. От противника мы за 8 км., так что совсем спокойно. И вообще, что-то он затих.

9.09.43. Очищен Донбасс, пала Италия – в скором времени можно ожидать больших событий. Скоро, может быть, узнаю что-нибудь про своих. Скорее бы. И все же страшно, хотя кажется, и передумал все возможные случаи. Все же есть надежда на лучшее.

22.09.43. До Киева осталось всего несколько десятков км.!! Но на действия союзников в Италии я мало надеюсь.

27.09.43. Идет подготовка к наступлению. Собрались куда-то переезжать. Собрали все имущество и ждем.

27.07.45

Октябрь

В ночь со 2-го на 3-е снялись с ОП и перешли в лес на 5 км. в сторону. Здесь собрался весь наш полк. Идет усиленная подготовка к наступлению. Для всего нашего полка в лесу был устроен концерт, - чтобы развеселить и поддержать перед боем. Ночью я с моими солдатами устраиваем открытый ОП. Работали 3 ночи. Наша задача прямой наводкой проделывать проходы в проволочном заграждении. 5 прошел слух о взятии Киева, хотя я ему и не вполне поверил, но все же написал на всякий случай записку с просьбой перезавещать деньги на вкладной книжке на мамино имя. Во время всей этой подготовки я несколько волновался ведь это первый раз я буду участвовать в большом наступлении (бой по Саксонам и тут, конечно, не в счет), а наступательный бой намного сложнее, труднее обороны. Волнуюсь я отчасти за себя, как-то я буду себя вести в бою, принимая в расчет мои слабые нервы. Хватит ли выдержки, самообладания в опасную и ответственную минуту. Но еще больше беспокоюсь я за оружейные расчеты, т.к. большинство из бойцов ни разу не участвовало в бою и не вело огонь прямой наводкой – а здесь требуется, кроме умения, большое хладнокровие, самообладание.

28.07.45

6.10.43. Наконец настал день наступления. Еще ночью были установлены орудия (или вчера?), и мы все заняли свои места. Я нахожусь в маленьком окопчике с телефонистом, между двумя моими орудиями. Слева расположен 2-й взвод. С нетерпением и волнением ждем начала артподготовки. Уже совсем рассвело. Все кругом как бы замерло. Но вот оно

началось. Мне заранее было известен порядок огня и его средняя плотность, но все же я не ожидал такого мощного огневого удара. 60 мин. – велась пристрелка, 50 минут – огонь на разрушение и огонь прямой наводкой, потом огневой налет, в котором участвовали «катюши», самолеты и вся артиллерия, и, наконец, огневой вал, за которым должна была начаться пехота. Меня очень удивляет, но к началу артподготовки я был совершенно спокоен и в дальнейшем не испытывал никакого особого волнения. Огонь усиливался постепенно, и к началу действия моих орудий стоял такой невообразимый гул, что нельзя было услышать рядом стоящих. Разрывов было очень много, но я все же видел свои после нескольких первых выстрелов все они были в районе проволок. Артподготовка подходила к концу, «земля дрогнула», и в воздухе стоял невообразимый гул от многих тысяч снарядов. Настал последний и решающий момент, и я увидел, как за разрывами снарядов во весь рост пошла, побежала вперед наша пехота. Вскоре все «неприступные» горы, на которых держались немцы, были усеяны маленькими черными фигурками – нашими солдатами. Немецкая оборона была прорвана. Издалека и бесприцельно немец вел еще огонь из орудий и особенно минометов, но это уже было не страшно. Я получил приказ и стал со своим орудием догонять ушедшую вперед пехоту. Но пути кое-где рвались снаряды и мины, но мы благополучно въехали на горы, где проходит немецкий передний край. Вскоре сюда пришел штаб дивизии с другими начальниками, а мы поехали дальше. После нашей артподготовки немецкая оборона имела жалкий вид: траншеи сравнялись с землей, дзоты и блиндажи разрушены, проволока вся порвана. Я свою задачу тоже выполнил: я видел, как пехота проходила через поймы проходы, а сейчас мог увидеть их вблизи. По дороге попался первый неразрушенный жилой немецкий блиндаж. Там уже успела побывать наша пехота и навести «свои порядки»: все раскидано, разбросано. Пока засыпали траншею для проезда орудия, я зашел в блиндаж: он весь завален разбросанными газетами, журналами и всякой мелочью, вроде коробочек, щеточек и т.д., стоит какой-то специфический немецкий запах, не то мылом, не то какой-то мазью. Я к удивлению заметил на столе 2 наших БУПа.²³ Брать ничего не хотелось, но взял все же несколько чистых открыток. Продвигаемся дальше. ПНШ-2²⁴ ведет первого пленного в тыл: он полуодетый, грязный, имеет вид сумасшедшего, нашли его в болоте, где он пытался спрятаться. Остановились и заняли ОП. Комбат пошел вперед выяснять обстановку. На пути мы почему-то совсем не встречаем убитых, нашли только одного нашего. Начали продвигаться наши танки, их шло очень много, только мимо нашей ОП прошло несколько сот. Вскоре вернулся комбат, и мы стали продвигаться вперед. Он уже успел побывать в деревне П. и захватить там трофей – вина, консервов, печенья, хлеба, но немного. Я уже довольно проголодался и с удовольствием поел. Выехали на большак. Здесь уже видны следы поспешного бегства: брошенные велосипеды, мотоциклы и даже автомашины. Прошли деревню П. Немцы здесь жили очень хорошо, был даже ресторан. Здесь остались склады с продуктами, в том числе и водкой, в т.ч. передовые подразделения пехоты успели кое-чего набрать и многое уже пьяны. Нам же останавливаться нельзя, т.к. мы долго стояли и ждали комбата, а теперь отстали. Двигаемся все дальше и дальше. Немцы бегут, не оказывая сопротивления, только оставляя нескольких автоматчиков и тщательно поджигая деревни. К концу дня прилетели несколько немецких самолетов, но бомбить не стали. Шли целый день, прошли километров 25-30. На ночь остановились около догоравшей деревни. Кругом зарева пожаров. Я узнал это за сегодняшний день.

7.10.43. У нас очень мало потерь в полку – несколько человек. Утром наш полк получил задачу, и мы двинулись дальше. Мое первое орудие шло с авангардом. Мне было приказано со *(неразб.)* идти в хвосте колонны. По дороге на нас 2 раза налетали

²³ БУП – боевой устав пехоты.

²⁴ ПНШ – помощник начальника штаба.

бомбардировщики. В одной деревни нарыты траншеи полного профиля – это за несколько дней до наступления немцы заставили население строить здесь оборону, но задержаться здесь не успели, не успели даже поджечь деревню. В ней было несколько крупных военных складов с продовольствием и обмундированием. По всем данным, немцы знали заранее о нашем наступлении, т.к. еще за неделю стали вывозить склады, эвакуировать в тыл штабы. Изредка встречается население, возвращающееся домой. Все они одеты в немецкое новое обмундирование и тащат много с собой – это из разбитых складов. Наш полк продвигается не первым, и поэтому боя ему в это утро вести не пришлось. Но, пройдя следующую деревню на берегу озера, где тоже было несколько складов, и перейдя мост, мы вынуждены были остановиться. Откуда-то справа бил пулемет и не давал продвигаться голове колонны. Часть людей пробежала обстреливаемый участок, а остальные с обозом, артиллерией остались стоять. Сзади не знали причины задержки, переезжали мост и увеличивали и без того большое скопление людей, подвод, машин, орудий. Начальство куда-то исчезло, обстановка была неопределенная, и никто не знал, что делать. На мосту, который сломался, создалась пробка, нельзя было проехать ни вперед, ни назад. В деревню в это время подошли значительные силы, пехота и артиллерия. Пока начальство решало, как быть, налетело 40 немецких пикировщиков, а потом 30 тяжелых бомбардировщиков и начали бомбить деревню и дорогу. Во время первого захода я лежал на дороге, но до второго успел прыгнуть в воронку, где уже спрятались какие-то командиры. Я упал им прямо на голову, а на меня упала подбежавшая медсестра. Непрерывная бомбежка продолжалась около часу, а потом весь день нас почти не покидали немецкие самолеты. Несколько из них было, правда, сбито нашими зенитками, но самолетов наших совсем не прилетало. Особенно сильно во время бомбежки пострадала деревня, там завалилось и загорелось несколько домов, под развалинами которых погибли многие наши бойцы. Там чуть не сгорел наш комбат. В нашей батарее потери были небольшие – 2 раненых. Из-за бомбежки поднялась паника. Но в конце-концов пехота заняла здесь оборону, и я установил свои пушки.

8.10.43. Ночь провели более или менее спокойно. Плохо только, что отстала кухня, но мы сумели обойтись без нее с помощью местной картошки и трофейного концентрата. Утром наконец кухня нас догнала. Двигаемся дальше, но несколько медленнее, чем вчера. Вчера я записал о бомбардировке, но это только факт, - описать переживания довольно трудно. Идем по совершенно сожженным деревьям. Изредка ведем огонь. Один мой солдат откуда-то притащил меду. Сегодня опять бомбили, но меньше. К ночи опять зарылись в землю.

9.10.43. Выдвигаю свои орудия вперед. Опять бомбежка. Я как-то с орудием застрял в какой-то яме, когда налетели самолеты, а мы на открытом месте, удивительно, что остались целы. Я теперь при бомбежке ложусь на спину и слежу за бомбами, это легче, иначе кажется, что все они падают на тебя. Вечером одну мою пушку, а потом и одну из 2-го взвода поставил на закрытую ОП.

10.10.43. Пока стоим на месте. Часто стреляем. Немецкие самолеты бомбят целый день. Кроме того, нашу ОП обстреливают шрапнелью. Шрапнелью одного ранило, другого убило. Раненый очень рад и уехал в госпиталь. Убитого раздели и зарыли в оказавшейся недалеко яме. Отдыхаю в ямке, похожей на неглубокую могилу, с сухой травой. Для облегчения выбросил все свои конспекты из училища, которые зачем-то до сих пор таскал в сумке.

12.10.43. Закопались поглубже. Сделали себе нору с перекрытием.

14.10.43. Перешли в лес. Мы находимся недалеко от немецкой ж.д., благодаря которой он нас и задержал. Подготавливается новый прорыв, идет подготовка.

15-16.10.43. Ночью готовили позиции для прямой наводки. Это не очень просто, т.к. мы в 700 км. от противника, который часто бросает ракеты и при малейшем шорохе открывает огонь из пулеметов и минометов. Позиции устраивали в сожженной деревне.

17.10.43. Утром начали наступать. Артподготовка была несколько слабее, чем прошлый раз, но все же довольно сильная. Мы продвинулись на 3 км. и остановились. Заняли оборону, вырыли орудийные окопы. Ночевать я устроился в немецком блиндаже. Немцев здесь видно застали врасплох, т.к. они оставили даже свой завтрак и все вещи.

18.10.43. С утра немцы пошли в контратаку. Мы к ней были очень неподготовлены: боеприпасов не подвезли, артиллерия – тяжелая и дивизионная пехоту почти не поддержала. Пехота побежала, батальон который я поддерживал, бежал с комбатом во главе. Мы остались одни. Пришлось на руках под сильным огнем откатывать орудия в тыл. Тут по нам дали залп «катюши». Заняли открытые ОП. Закопались в той же деревне, откуда начали наступать.

19.10.43. Отбивали контратаки. Стреляли прямой наводкой, сколько было можно, но опять батальон пехоты нас оставил и побежал. Мы все еще продолжали стрелять по немцам, которых видно было хорошо уже без всякого бинокля. Наконец, чтобы не оставить немцам орудие, стали катить его назад. (Я нахожусь с одним из орудий). Вынули панораму,²⁵ я взял ударный механизм на случай, если придется бросать орудие. Но мы его не бросили, несмотря на сильный огонь артиллерии, минометов и пулеметов. Я помогал тоже, т.к. нас было немного, только 5 чел. Поражаюсь, что после всего этого я могу писать эти строки. Когда мы тянули пушку, а кругом нас рвались снаряды и никто даже уже не пригибался, мне приказали занять ОП (открытую) дальше от передовой, и на другом участке.

20.10.43. За ночь отрыли окоп для орудия, ровики и землянки.

22.10.43. Стоим на месте. Сейчас небольшое затишье, и я решил припомнить и записать события с 6 по 22. За все это короткое время много пережито и перенесено. Раньше, когда я стоял в обороне, я считал, что я на войне – но где же нахожусь я теперь? Такую обстановку нельзя было бы представить себе и в аду. Потерь очень много, особенно в пехоте, где уже после пополнения состав полков представляет собой $\frac{1}{4}$ - $\frac{1}{5}$ положенного. Потерь много и в нашей артиллерии – полковой и ПГ: оба комбата ранены, 2 комвзвода убито – один прямым попаданием снаряда. Это было 19, нас обоих комвзводов вызвал (уже новый, бывший КВУ) комбат на НП. В это время немцы начали артподготовку перед атакой. Комбат приказал нам идти к орудиям. Мы пошли вместе. До моего орудия было около 1 км., ему в сторону и несколько дальше. Кругом рвались десятки снарядов и мин из шестиствольных минометов. Мне каким-то чудом удалось добежать до орудия, а другой комвзвода пропал. Через несколько дней нашли останки от его труп: он был разорван снарядом. Другой убитый комвзвода, татарин, был из 45 мм. бат. Он постоянно носил каску (которую я и большинство офицеров и не одевало), с которой не расставался, но она ему не помогла. Интересный тип был ком. 45 мм бат. капитан Зайдулин – он был жуткий трус, на передовой не показывался и перед каждой боевой операцией заболел

²⁵ Артиллерийская панорама — перископический прицельный механизм артиллерийского орудия, предназначенный для обеспечения прицеливания как при стрельбе прямой наводкой, так и при стрельбе с закрытых позиций, не требующий при этом нахождения наводчика на оптической оси объектива, что позволяет последнему укрываться за щитом орудия.

желудком. Он был слегка ранен в ногу и поскорей уехал в госпиталь. Наш комбат был легко ранен в руку, на моих глазах. Вообще жизнь здесь так же непрочно, как мыльный пузырь. Ежечасно кто-нибудь выбывает из строя. Вещи для меня потеряли ценность, трофеев я совсем не брал и даже пропажа моего вещмешка с необходимыми вещами и даже резиновой подушкой меня не очень огорчила. Получил сегодня новые сапоги, т.к. перешитые не выдержали похода и совершенно развалились, т.ч. я ходил все равно что босиком. Получил письма от тети Зиночки и дяди Коли. Он пишет, что я зачислен на курсы подготовки в академию, и на днях должен получить вызов. Но сейчас такой момент, что я почти уверен, что все это напрасно. Ответа пока не писал. Жду, может, поуспокоится, а там, может, будет лишнее. У нас ходят упорные слухи о переформировке, т.к. дивизия наша имеет жалкий вид.

23.10.43. Целый день очень напряженное положение. С 6 ч. утра объявили, чтобы всем быть наготове. Что-то ожидается. Видно, боятся контрнаступления.

25.10.43. Закрепляемся на достигнутых рубежах – как можно глубже зарываемся в землю. Несколько дней как почти совсем перешли на местный питательный рацион, к тому же очень слабый. Я совсем не заметил, как наша дивизия стала «Невельской». Оказывается, при взятии Невеля участвовал один из наших полков.

30.10.43. Переходим на зимнюю форму, хотя еще не очень холодно. Получили шапки, рукавицы, ватные брюки. Начал налаживаться подвоз и с питанием теперь получше.

Ноябрь

2.11.43. Снова началась подготовка к наступлению. Ходили на рекогносцировку. ОП будут опять там же, где были прошлый раз.

4.11.43. Ночью выезжали на ОП. Наступление было назначено на утро, но его отменили, и мы вернулись.

5.11.43. Сегодня мы снова начали наступать. Около 10 ч. утра началась артподготовка. С самого начала наступление началось как-то неудачно. Наш артогонь был довольно слабый, зато немцы открыли сильный ответный огонь. Я заранее знал порядок огня, время действия моих орудий и очень был удивлен, когда мне по телефону приказали открывать огонь в самом начале, чем я только выдал бы свои орудия, т.к. с нашей стороны не был развит еще сильный огонь, во время которого всегда начинают действовать орудия прямой наводки. Но пришлось подчиниться. Цели определенной мне не дали, а приказали пристреливать кусты, где, предполагали, проходила немецкая оборона. Дали участки по 200 м. на орудие, и на первое время по 30 снарядов. Расчеты выпустили снаряды по кустам и ровики, т.к. противника не было заметно, а одна наша батарея стала настойчиво нас обстреливать. Несколько снарядов попали в края и слабые перекрытия ровика, где я сидел, хорошо еще, что снаряды были мелкие и, главное, не рвались. Но все же ровик обвалился, и пришлось перейти в другой. Наконец пехота пошла в атаку, хотя противник продолжал вести сильный огонь. Тут произошел очень характерный случай, показывающий взаимодействие и связь. К моим орудиям подошли комбат и начарт. Они заметили в кустах, по которым я раньше стрелял, несколько человек. Долго решали: наши или немцы? Наконец решили, что это немцы и приказали открыть по ним огонь. Огонь мы открыли, люди исчезли, но потом оказалось, что это были наши. Не знаю, но, может быть, мы в кого-то и попали. Вскоре пехота преодолела немецкую оборону, которая и на этот

раз вся проходила по высотам, и мне приказали с орудиями тоже двигаться туда. На этот раз продвигаться было много труднее из-за сильного орудийного, минометного и пулеметного огня, который велся не только с фронта, но и с флангов, т.к. мы вклинились в немецкую оборону на узком участке, в 3 км. ширины. Тут еще налетели немецкие бомбардировщики и начали нас бомбить. Маскироваться и прятаться было негде, и много людей погибло, было убито также и несколько коней нашей батареи. Пехота остановилась, там же, где останавливалась в прошлый раз, и дальше не пошла. Мы тоже остановились. В связи с такими «успехами» и обстановкой настроение у всех неважное.

В середине дня немцы стали усиливать артогонь. Стали стрелять группы шестиствольных минометов, результаты получаются почти как от «катюш». Ждем немецкой контратаки. Вскоре она началась. Израсходовали все снаряды, которые к тому же пришлось поднимать за 500 м. на руках, т.к. лошадь, не доведя одной повозки снарядов, была убита. Пехота стала отходить. Нам тоже ничего больше не оставалось, как снова на руках откатывать орудия в тыл. Пулеметная и автоматная стрельба усиливалась – немцы приближались. Я приказал наводчику вынуть панораму, а сам вынул ударный механизм, чтобы орудие было непригодно для стрельбы. Если придется бросить орудие, а мне удастся выйти, это было бы мне некоторым оправданием, что я не бросил немцам исправного орудия. Только что я вынул ударный механизм и положил его в карман шинели, как немцы сделали сильный огневой налет из нескольких батарей шестиствольных минометов по деревне, откуда мы начали наступление. Тут же раздались какие-то крики, кажется, немцы, которые ненадолго остановились, увидев поддержку своих минометов, снова поднялись в атаку и были уже близко. Я почему-то взглянул на комбата, который был рядом и увидел выражение ужаса на его лице, он, кажется, даже что-то крикнул, но я не расслышал слов, мне показалось, что их значение такое: «бросайте орудие, выходите сами». В это же самое мгновение слева, в 5 шагах от меня, разорвался крупный снаряд. Я даже по инстинкту ругнулся, когда услышал его свист при падении. Увидел разрыв. В тот же миг я почувствовал резкий удар в левую руку около локтя, и она безжизненно повисла. Я был ранен, и довольно сильно. Рукой я не мог шевельнуть, кровь сильно текла из рукава.

1.08.45

За время последних боев с большими и напрасными потерями мы все, оставшиеся в строю, были очень переутомлены физически и особенно морально. Все мечтали об отводе нашей дивизии в тыл на формирование и даже завидовали неопасно раненым, уезжавшим в госпиталь. Я, конечно, тоже думал о том, как я могу быть ранен, как попаду в госпиталь. Это были приятные мечты, т.к. думать о более вероятном, о смерти, не хотелось, да было бы и глупо, а выйти из всего этого невредимым было невозможно. А в этот день мы, после неудачного наступления, вынуждены были в третий раз отходить под сильным огнем и еще тащить самим пушки без снарядов. Каждый, конечно, с радостью убежал бы как можно быстрее и как можно дальше из этого ада, если бы чувство долга и ответственности, может, и бессознательное, не сдерживало его. Сильное нервное напряжение из-за всей окружающей обстановки, сдерживаемое по привычке и бессознательно теми же чувствами долга и ответственности, и вдруг ранение, как удар, оборвавший связывающие и сдерживающие меня чувства. Ведь раненый получает сразу любые права и привилегии, с него ни за что спрашивать, ничего не возьмешь. Я почувствовал свободу и даже радость от возможности вырваться отсюда и даже остаться живым, о чем я уже почти не думал. Чувства эти были настолько сильны, что я не задумывался сразу подчиниться им, и даже не задумываясь, сразу подчинился им, и даже не передав никому командования и, не оглянувшись, как зверь, выпущенный из клетки,

побежал в тыл. Снаряды продолжали рваться кругом, но я почти не обращал на них внимания. Вскоре от ранения и потери крови, т.к. перевязку я делать не подумал, я стал слабеть, бежать становилось все труднее. Сперва мне стал мешать бинокль, болтавшийся у меня на груди, я снял и, не раздумывая, бросил на землю. Потом мне стало тяжело и неудобно нести ударный механизм, который был в кармане шинели, я сначала вынул и нес его в руке, а потом, так же, не раздумывая, бросил в сторону. Я считал, что он больше не пригодится, т.к. был уверен, что из-за слов и выражения лица комбата, что орудие останется. Это я сделал, конечно, еще и потому, что у меня не было уже чувства долга и ответственности, и если я в тот момент о чем-нибудь и думал, то только о спасении своей жизни. Ведь раненому почему-то жизнь становится особенно дорога. Так пробежал, а потом прошел я полтора километра. Тут мне стала тяжела и шинель. Я на ходу стал снимать и ее. Т.к. здесь было уже спокойно, я вскочил в какой-то окоп, чтобы минуту передохнуть. Кровотечение почти прекратилось, и я не стал делать себе перевязку, т.к. это было трудно и долго. Оставив шинель в окопе, но взяв из кармана ложку и рукавицы, я пошел дальше. Тут мне встретился тоже раненый, мой бывший к/о²⁶ из 45 мм. батареи. Я очень обрадовался первому человеку, да еще знакомому, и стал на ходу рассказывать ему, что со мной произошло. Нас вскоре догнала какая-то повозка, и мы проехали на ней с километр. Потом, пройдя еще с полкилометра, мы дошли до первой землянки, где были бойцы. Здесь нас наконец перевязали.

Отдохнув немного в землянке, мы направились в санчасть. Идти становилось все труднее: кроме слабости, каждый шаг отдавался в ране сильной болью, зато кисть руки совсем онемела и ничего не чувствовала. По дороге в санчасть я проходил мимо того места, где стояла наша батарейная кухня, кони и передки и зашел туда. И вдруг я увидел орудие, которое я считал пропавшим и расчет около него. Оказалось, что вскоре после моего ранения к орудию проехал передок, которого уже и не ждали, и увез его с расчетом в тыл. Все были удивлены, что я не уехал вместе с орудием. Теперь орудие стояло здесь, т.к. не могло вести огонь из-за отсутствия ударного механизма и наводчика с панорамой, который где-то отстал.

Как только я увидел орудие, я очень испугался, т.к. был виновен в выходе его из строя, но решил себя не выдавать. На вопрос к/о, где ударный механизм, я ответил, что он остался с шинелью в землянке, где меня перевязывали, причем сделал еще более болезненный вид, чтобы избежать дальнейших расспросов. Потом я спокойно, хотя мне хотелось поскорее уйти, взял из передка свою полевую сумку и медленно пошел в санчасть. Тут я с опозданием пожалел о своем откровенном разговоре с моим бывшим командиром орудия. В санчасти, когда меня уже перевязывали, приходил старшина батареи и меня расспрашивал про ударный механизм. Я ему тоже сказал, что оставил ударный механизм с шинелью в землянке, и он пошел его искать. После ухода старшины я стал стараться как можно скорее уехать в санбат, чтобы в случае чего меня не так легко было бы найти, и вскоре устроился на одну из отходивших машин. Впоследствии меня еще долго мучила совесть за события этого дня, а к тому же я боялся, что из-за этого подымут дело, найдут меня и будут судить. Конечно, по всей вероятности, ударный механизм заменили запасным, который должен был быть в артмастерской, и пропавший списали за счет войны, и дела никакого не поднимали, т.к. было тогда не до того.

По приезде в санбат меня вскоре направили в операционную палату, там мне под местным наркозом сделал рассечение входного и выходного отверстия раны. После операции меня отвели в общую палатку, т.к. весь санбат и офицерская палатка были перегружены ранеными. Тут только я заметил, что на мне одета не моя новая меховая офицерская шапка, а старая солдатская. Это когда я переодевался после операции, мне ее подменили, а я под влиянием перенесенной операции этого не заметил. Я стал требовать, чтобы мне вернули мою шапку, но ничего не мог добиться от глухих, после контузии,

²⁶ К/о – командир орудия.

санитаров, и т.к. был очень слаб, вскоре успокоился. Мне, как раненному в руку, пришлось забираться на верхние нары, раненные в ноги лежали внизу.

6.11.43. Сегодня узнал об освобождении Киева. Какая это большая радость. Нахожусь все еще в санбате, т.к. не на чем нас везти дальше. Бои на нашем участке продолжаются. Целые дни бьет артиллерия. Начались и воздушные бои.

8.11.43. Наконец меня привезли за 50 км. в ГЛР – госпиталь легкораненых. Здесь довольно хорошо и, конечно, несравнимо лучше, чем в битком набитой палатке санбата, где никогда даже нельзя было найти сестру.

9.11.43. Написал письма дяде Коле и тете Зиночке. Сегодня мне делали перевязку. рука отекала и очень болит. Наложили шину. Вероятно, эвакуируют дальше, т.к. ранение мое не очень легкое и лечение потребует длительное.

13.11.43. На машине перевезли меня за 86 км. в другой госпиталь ППГ 739.²⁷ По дороге проезжали через освобожденный Велиж и другие знакомые мне места. Сутки жили в палатке, а потом меня перевезли в дом. Здесь тоже все переполнено ранеными.

15.11.43. Сегодня меня с группой раненых, назначенных на дельнейшую эвакуацию, отвезли в эвакоприемник № 776, он находится около станции недавно построенной железной дороги. Жить приходится в больших землянках, условия плохие. Ждем с нетерпением «летучку» - санпоезда.

16.11.43. Сегодня наконец приехала летучка, и нас погрузили.

17.01.43. Ночью выехали. Едем в товарных вагонах Рука у меня стала меньше болеть, но часто еще на пальцах возникает судорога. Кормят плохо.

19.11.43. Приехали в Ржев, где нас решали оставить в госпитале. Раньше же нас обещали везти в Калинин. Нам это очень не понравилось, т.к. госпиталь здесь плохой. Я с одним мл. л-нтом Соловьевым, тоже раненным в руку, бросил свою группу и пошел на другой вокзал, чтобы ехать в Москву. Это можно было сделать, т.к. документы были у нас на руках. Нам еще до начала посадки удалось сесть в пассажирский поезд, в вагон для раненых офицеров.

20.11.43. Едем довольно хорошо, только нечего есть. Сейчас мы находимся в 100 км. от Москвы.

21.11.43. Вчера вечером приехал в Москву и после перевязке на санпункте вокзала поехал к тете Зиночке. Пришлось обойти 10 подъездов, т.к. я забыл, в котором они живут. Приезд мой был полной неожиданностью, т.к. моего последнего письма еще не получили. Сначала тетя Зиночка испугалась, т.к. раненая рука была у меня под шинелью, и рукав ее был пустой. Мне очень обрадовались. Долго говорили, особенно обсуждали мою дальнейшую судьбу, т.к. дядя Коля писал недавно о моем поступлении в Академию и очень обо мне беспокоился.

22.11.43. Вчера целый день пробыл у тети Зиночки. Вечером пошел в госпиталь, но там не приняли без направления. Пришлось ехать на вокзал в эвакоприемник. Со мной поехала тетя Зиночка, но узнать, в какой я попаду госпиталь, пока не удалось. Сегодня утром меня

²⁷ ППГ – походно-полевой госпиталь.

отвезли в один московский госпиталь ЭГ 3359²⁸ – больных долго не держат, а отправляют в другие тыловые госпитали. Как же быть с вызовом от дяди Коли, который я его хочу просить выслать вторично? Когда увижу т. Зиночку, нужно принять какое-нибудь решение. В Киев я пока не писал. С тревогой жду ответа на письмо тети Зиночки.

28.11.43. Вчера и сегодня была тетя Зиночка. Принесла мне молока. Я дал ей 300 р. Написал дяде Коле.

Декабрь

1.12.43. Опять была тетя Зиночка. Она дала телеграмму дяде Коле. В это время я узнал, что меня куда-то переводят. Отвезли на станцию.

2.12.43. Сегодня выехали из Москвы. Вагоны очень хорошо оборудованы.

7.12.43. 5 приехал в Павлов на Оке. ЭГ 1743. Госпиталь здесь значительно хуже. Послал телеграмму д. Коле, письмо в адресное бюро в Киев и письмо в Москву. Время стараюсь проводить за чтением, но книг здесь очень мало.

13.12.43. Вчера ночью читал «Несчастные» и сегодня «Человек, который смеется». Это одно из лучших произведений, которые я читал. Перечитывал их вторично я с тем же интересом и с теми же переживаниями.

20.12.43. Получил срочную телеграмму от д. Коли, он надеется к 20 все устроить. Кончил перечитывать «93 год».

21.12.43. Вторая срочная телеграмма от дяди Коли: «Вызов выслан в Москву, хлопочу о третьем».

22.12.43. Получил 1015 р. за декабрь, за ноябрь не дали. Хотел сразу же идти к начфину, выяснять это, но не удалось, надеюсь пойти завтра.

23.12.43. К начфину не ходил, но политрук госпиталя обещал выяснить это дело. Получил открытку от д. Коли.

26.12.43. Показывали кинофильм «Возвращение» - очень и очень хороший.

28.12.43. Получил письмо от т. Зиночки. Она получила письмо от Ниночки. Баби и Ниночка живут на старой квартире. О маме и папе написано как-то загадочно. Наконец что-то более или менее определенное. Я, конечно, очень и очень рад, что нашлись Баби и Ниночка и завтра, вероятно, пошлю им денег, но где же папа и мама, живы ли они, и если да, то когда же мы встретимся.

29. Послал 500 р. Ниночке в Киев.

---

²⁸ ЭГ – эвакуационный госпиталь.

1944 год

Январь

1.01.44. Вчера и сегодня были концерты. Написал письмо в Киев. Несколько дней играю в шахматы.

8.01.44. Вчера сделали пересадку кожи с бедра на рану. Сегодня получил наконец деньги за ноябрь. Послал телеграмму д. Коле «будет ли вызов и когда». Завтра начнется шахматный турнир.

12.01.44. Телеграмма от д. Коли – просит сообщить точный адрес. Послал ответную телеграмму.

13.01.44. Открытка от д. Коли. Ему нужен мой аттестат, а он остался в Киеве. Дал снова ему телеграмму. Простудился. Сильный насморк.

19.01.44. Достал 2 очень интересные книжки по теории относительности.

25.01.44. Опять телеграфировал д. Коле. Послезавтра медкомиссия, а вызова все нет, и нет никаких писем.

28.01.44. Вчера была комиссия. Меня признали ограниченно годным I степени. Сегодня, вероятно, выеду.

29.01.44. Выехал вчера вечером. Днем приехал в Горький. Ходил на базар и купил 2 тетради и целлулоидный воротничок за 30 р.

30.01.44. Прибыл в Москву и пошел к своим. Сначала заходил в военторг и здесь мне пришили погоны и петлицы. Не застал никого дома и пошел искать столовую. Пообедал в ресторане за... 80 р. Вечером пришел домой. Там меня ожидали Ниночкины письма.

31.01.44. Был в госпитале, где лежал, думал найти там вызов в академию, но ничего не узнал. Ездил к Бакастовым. Очень были мне рады. В МВО, куда у меня было направление из госпиталя, мне велели прийти 3-го и дали талоны на продукты. Получил письмо от Ниночки.

Февраль

3.02.44. В МВО велели прийти завтра. Был у Бакастовых.

4.02.44. Был в МВО. там сказали, что я завтра поеду в Орехово-Зуево. Написал открытку в Киев.

5.02.44. Прибыли в Орехово-Зуево. Там находится учебная бригада, но артиллерия только 45 мм.

6.02.44. Т.к. со мной прибыли еще несколько человек из тяжелой артиллерии, то будем запрашивать Москву, что с нами делать. Питание здесь очень хорошее. Я всего не съедаю.

7.02.44. Нас, всех прибывших, вызывали в штаб бригады, но снова вернули в полк. Ждем, что будет дальше.

10.02.44. Сегодня нас наконец отправили обратно в Москву. Здесь мы получили отсрочку до 14, и пошел домой. Там меня ждало письмо от Ниночки.

14.02.44. Отсрочка до 17. Письмо от Ниночки о получении моих 500 р.

15.02.44. Получил письмо от Ниночки от «эвакуации».

17.02.44. Отсрочка до 19.

18.02.44. Ночью читал «Свет погас» Киплинга по-французски. Оказывается, еще не забыл. Ходил опять к Бакастовым.

19.02.44. Отсрочка до 22.

20. 02.44. Письма от Ниночки.

22.02.44. Отсрочка до 25. Написал ответ в Киев.

25.02.44. Отсрочка до 28.

27.02.44. День рождения Шурика. Купил 1,5 л. пива за 65 р.

28.02.44. Отсрочка до 1. Письмо от Ниночки.

Март

1. Отсрочка до 3

2. Получил зарплату в 675 р. минус 65 р. вычетов.

3. Отсрочка до 4. Сказали, что завтра уеду.

4.03.44. Сегодня к 11 часам дня я снова пришел в отдел кадров, помещение которого за долгие часы ожидания я изучил до мельчайших подробностей. Вчера меня предупредили о том, что мне сегодня дадут наконец назначение, и я поэтому пришел с вещами, которых у меня, к счастью, немного: набитая артиллерийскими уставами полевая сумка и пустой вещевой мешок в кармане. Вскоре после прихода меня вызвали в канцелярию. Там

сказали, что документы мои будут готовы только в 3 часа. Я, конечно, поинтересовался о месте моего назначения, и какая же была моя радость, когда я узнал, что еду в Киев. Сколько раз видел я во сне свое возвращение домой, своих дорогих родных, а всегда так обидно было просыпаться, возвращаться к серой действительности, полной неизвестности о них. И вот теперь, хотя часть этих снов сбывается. Я могу попасть домой, обнять моих дорогих Баби и Ниночку, расспросить об их жизни в эти тяжелые годы разлуки. Я увижу комнаты, дом, сад, улица – все дорогие мне места, где я провел 18 лет и которых не видел уже 32 месяца. На радостях мне захотелось что-нибудь и другим сделать приятное. Я вспомнил, что Бакастовы просили зайти к ним, если я поеду в Киев, т.к. они хотели что-то передать своим родственникам. До 3-х часов дня времени было еще много, и я поехал к ним. Когда я спускался по эскалатору метро и увидел патрулей проверяющих на встречном эскалаторе документы у военных, я вспомнил, что единственный документ – справку из ОК – я вынужден был оставить там. На обратном пути я рисковал задержаться в комендатуре и опоздать. Поэтому я решил обратно ехать трамваем, т.к. кроме метро документы обычно нигде не проверяют.

У Бакастовых мне пришлось ожидать довольно долго и к тому же напрасно тетю Наточку, которая за недостатком времени не написала даже письма своим родственникам. Долго пришлось ждать трамвая. И когда я пришел в ОК, то узнал, что я был включен в команду уезжавших в Киев, а та уже ушла с документами и талонами на питание. Было уже 3ч. 30 мин дня. Мне сообщили только фамилию старшего. Я помчался на вокзал разыскивать свою команду. Очень неприятно было бы остаться без документов и питания, а главное, удалось ли бы мне снова получить направление в Киев. На вокзале у коменданта я узнал, что моя команда не регистрировалась и поэтому уехать не могла, т.к. поезд ушел уже в 4 ч. дня. С вокзала я поехал в офицерское общежитие на Стромьнку, но найти там старшего не удалось. Уставший и голодный, я вернулся к тете Зиночке, которая думала, что я уже уехал. Узнав, что кроме завтрака я ничего не ел целый день, тетя Зиночка стала очень сокрушаться, что меня нечем покормить (на что я очень рассчитывал), т.к. все до крошки съедено. Я, конечно, уговаривал не беспокоиться, но, вероятно, слабо, т.к. был очень голоден. Выручил С.А., у которого нашлось немного хлеба. Кроме того, нашлось немного чаю с сиропом, т.ч. я вполне утолил свой голод.

5.03.44. Утром, поев бульона и доев хлеб С.А., я поехал на вокзал ожидать свою команду. До 12 ч. ждал, потом съел в вокзальном ресторане «завтрак» за 20 р. и поехал в ОК. Хотя я знал, что сегодня по случаю воскресенья, ОК, должно быть, не работает, но это была моя последняя надежда узнать что-нибудь о команде. К счастью ОК оказался открытым и все мои опасения рассеялись. Мне сообщили, что команда еще не уехала и будет ждать меня около коменданта вокзала в 9 ч. утра, т.к. поезда идут только по четным числам. В этот день я «позавтракал» еще 2 раза, чтобы т. Зиночке не нужно было меня угощать.

6.03.44. К 8 ч. утра я уже был на вокзале перед уходом я поел оставленный мне тетей Зиночкой маленький завтрак. Вскоре на вокзале собралась моя команда, состоящая из 4 человек. К счастью, в ней было два немного мне знакомых офицера, иначе мне трудно было бы их найти. Получив у них свои продукты за 3 дня и 2 раза позавтракав, я вернулся домой, т.к. билетов не получил.

7.03.44. Занимался изготовлением штемпельных розеток, которые тетя Зиночка продает по 20-25 р. шт. на базаре. Сделал почти полтора десятка. По совету т. Зиночки поехал в ресторан «позавтракать». Обошел штук пять столовых и ресторанов, но все оказались закрыты «на ремонт». Голодный, я вернулся домой, где меня и накормила т. Зиночка.

8.03.44. Снова на вокзале и снова не хватило билетов. Позавтракал за 26 р.!! Талоны на продукты у нас были получены по вчерашний день и двое из нашей команды поехали

хлопотать о новых. Я ждал их со старшим команды целый день, но так и не дождался. Вечером уже удалось достать 2 военных талона на обед по 25 р. за талон. Они оказались действительны только на сегодня, и я предложил один старшему. У него не было денег, но он обещал отдать потом (но так и не отдал, хотя и спрашивал). На другой день мы условились встретиться на вокзале и искать пропавших товарищей с талонами.

9.03.44. Когда я утром пришел на вокзал, там производилась проверка документов. У меня дежурный тоже спросил документы, которых у меня, конечно, не было, но мы оказались земляками, и он меня не задержал. Но мой старший оказался задержанным, т.к. документы он вчера отдал товарищам, посланным за талонами. Пришлось его долго ждать, а после идти с ним и целой группой задержанных в комендатуру. Оттуда нас вскоре выпустили и с патрулем направили в ОК для выяснения наших личностей. Из ОК уже самостоятельно мы поехали на квартиру, где надеялись найти одного из команды. Ждали целый час, и наконец он явился. Все объяснилось просто: талоны ему удалось получить вчера только поздно вечером, и он на вокзал уже не поехал. У него были уже получены продукты на 2 дня и на 2 дня талоны (на 4 обеда). Мы сразу поехали обедать, т.к. были очень голодны.

10.03.44. Наконец получили билеты. Совершив состязание в беге, ловкости и силе на перроне во время посадки, я получил 3-ю полку. Ехали довольно хорошо, но на 3-й полке было очень жарко, т.к. вагон был наполнен до предела и большинство могло только стоять или в лучшем случае сидеть.

11.03.44. Въехали на Украину. На станциях стали появляться продукты: молоко, яйца, пирожки, т.ч. питанием, хотя и не очень дешевым, были обеспечены.

12.03.44. Утром, с опозданием на 5 ч., мы стали медленно подъезжать к Киеву. Час стояли в Дарнице. Переехали Днепр по новому мосту, рядом видны исковерканные взрывом остатки старого. Въехали на окраину города и остановились на мосту против Байкова кладбища. Кругом знакомые места; когда-то под этим мостом я проходил, провожая Витю Чернышенко на кладбище. Наконец подъехали к вокзалу и вышли из поезда. С какой радостью и вместе печалью я стал смотреть на дорогой мне разрушенный город.

Вокзал, оказалось, стоит, и снаружи не очень пострадал, но зато пригородный вокзал и дом связи напротив разрушены полностью. Я с жадностью вглядывался во все окружающее, стараясь восстановить в памяти события и воспоминания, связанные с каждым домом и улицей. Если бы я был сам, то, конечно, сразу же устремился бы домой, но я был связан общими документами с командой. Хотелось сначала разделаться с делами, а потом уже свободным ехать домой. Пришлось идти с остальными. Сначала мы пообедали на вокзале, а потом пошли разыскивать коменданта. Комендант оказался на старом месте, на улице Короленко, 22. Оттуда нас направили в штаб КВО²⁹ (на Печерск. Никольская, 3/5). Пришлось пройти почти через весь город, и я видел самые большие разрушения. Самое печальное зрелище представляет собой Крещатик и прилегающие к нему улицы – этот район нельзя узнать. По Крещатику проведена трамвайная линия, и ведутся работы по расчистке, в которых принимает участие все население Киева. В штабе КВО и в ОК пришлось долго ждать и наконец я и л-нт Борисенко получили назначение в Белую Церковь, куда мы должны прибыть 14. В ОК нам выдали записку на получение продуктов, за которым пришлось идти опять на вокзал. Продуктов мы так и в этот день и не получили, т.к. было уже поздно, но узнали, что наш поезд едет завтра в 8 ч. вечера. Мы условились встретиться завтра в 10 ч. утра на пропускном пункте и разошлись.

²⁹ КВО – Киевской военный округ.

Было уже поздно, но теперь я был свободен быстро пошел домой. В темноте я узнавал силуэты знакомых домов. Все было по-старому, как и три года назад. Только почти совсем не встречались прохожие, не было света, и не ходили трамваи. Хотя было только начало десятого. Я быстро приближался к родному дому. Каждая улица, каждый дом будили во мне давно уснувшие воспоминания. И вот я у цели – у цели, к которой я стремился все эти 3 года. У полуразрушенного забора осталось только два тополя. Я вошел в сад. Прошел по дорожке к дому. Кусты сирени и жасмина, деревья – почти все было на месте. Наконец, я вошел в подъезд. Всю дорогу я был охвачен каким-то радостным волнением и вместе с тем пронеслись у меня в мозгу. Я осторожно постучал в дверь: что-то я увижу дома? Как здоровье Баби и Ниночки, что-то я узнаю о папе и маме? Вскоре кто-то вышел в коридор – «кто там?» - услышал и Ниночкин голос. Дома меня не ждали, т.к. я сам не надеялся и не подавал никаких надежд на свой приезд, и сперва Ниночка не узнала мой голос. Но в следующий момент раздались радостные возгласы; дверь открылась; объятия, поцелуи... Я вошел в комнату. Электричества нет, в комнате полумрак от горящей лампадки. Баби и Валентина Ивановна, которая живет у нас, уже легли спать. Снова объятия, поцелуи, сбивчивые расспросы и рассказы сразу обо всем. Тут же решили, что я, вероятно, голоден, и стали меня угощать пшенной кашей. В комнатах почти все по-старому, только прибавился временно диван соседей (*неразб.*) и бюро Дю-Вернуа, которые, оказалось, умерли в первой же год войны.

После долгих разговоров я наконец лег спать на маминой кровати, но долго не мог заснуть от многих мыслей и воспоминаний.

13.03.44. Утром, после завтрака, я поехал на вокзал за продуктами, и уже при дневном свете смотрел на дорогие мне места. По дороге я встретил Марию Евсеевну и Екатерину Анисимовну, мою школьную учительницу. Некоторые были очень рады меня увидеть. По совету Баби заходил к Лебедевым и (*неразб.*) Ниночке. Получив продукты и купив у одного офицера нашей команды концентрат, я вернулся домой. Ниночке удалось получить выходной день, и она была уже дома. Здесь всевозможные неудобства: нет света, воды, дров, (*неразб.*) топится печка. Я приготовил немного дров, затопил печь. В этот день я сходил еще к Николаю Юрьевичу, который мне очень обрадовался. Он теперь страшно нуждается, но ни за что не согласился взять в меня, хотя бы займы, денег. Ниночка отдала мне письмо и коробку конфет, оставленные мне мамой. Они все надеялись на мое возвращение, и, когда боялись, что всем придется уйти, закопали в саду, в шести местах, мои вещи, продукты и др. Большую часть вещей Ниночка с помощью Юрчука уже достала, но двух мест еще не могли найти. Ниночка дала мне также мамину фотографию, сделанную уже без меня. Но время прошло очень быстро. В 6 ч. вечера я стал собираться. Продукты все оставил дома, т.к. завтра надеюсь быть уже в Б.Ц. А там как-нибудь прокормлюсь. Так не хотелось уходить, хотя бы еще день, хоть час провести в родном доме, но нельзя. Ниночка провожала меня до середины б. сквера. По дороге на вокзал встретил Веру Васильченко с мужем. Они недавно вернулись из партизанского отряда.

До Фастова ехали удовлетворительно, а в Фастове, пройдя ночью несколько км., пришлось устроиться в товарном вагоне.

14.03.44. Утром прибыли в Белую Церковь. Погода очень плохая: дождь, грязь, часть, куда мы прибыли, только что формируется, поэтому здесь полный беспорядок, людей еще нет. Пока поместились на частной квартире, но очень долго будет ходить на работу, а пока в столовую. Настроение в связи с обстановкой и погодой скверное, но я все же написал письма дяде Коле, в Москву и в Киев.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Евгений и Раиса Кожевины с маленьким Мириком. Киев, ок. 1924 г.

Раиса Кожевина с маленьким Мириком. Ок. 1925-26 г.г.

Мирик, ок. 1926 г.

Мирик, Киев, ок. 1930 г.

Мирик, ок. 1935 г.

Мирик, ок. 1937 г.

Мирик – ученик последних классов школы. Киев.

В. Кожевин. Киев, 1950-е г.г.

В.Кожевин – лейтенант. 1943 г. Действующая армия

Владимир Кожевин, 1960-е .г.

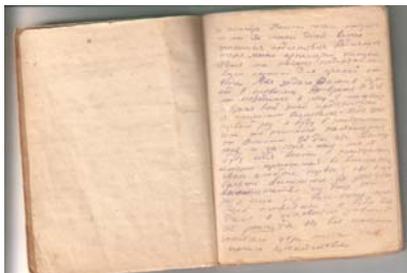
В.Кожевин у себя дома. Слева направо: М.И.Коссюра (соседка), Н.В.Брешко-Брешковская, В.Е.Кожевин. Киев, 1950-е г.г.

Владимир Кожевин в университетской лаборатории. Конец 1960-х – начало 1970-х г.г.

Дом семьи Кожевиных на ул. Овручская. Киев, 1935 г.

Фронтной блокнот В.Кожевина, 1943 г.

Могила В.Е.Кожевина на Берковецком кладбище